

HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Советская историография реформы 1861 года в России
Author(s)	Yonekawa, Tetsuo
Citation	スラヴ研究, 9, 87-136
Issue Date	1965
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/4977
Type	departmental bulletin paper
File Information	KJ00000113202.pdf

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА В РОССИИ.

Тэцуо Ионекава

- 1 Ленин о реформе 1861 года.
- 2 Историография реформы в 1917–1934 годах.
- 3 Историография реформы с 1935 года по начало 50-х годов.
- 4 Историография реформы в последние годы.

Цель настоящей статьи — изложить историографию реформы 1861 г. в России в советской исторической науке и вместе с тем в конце статьи кратко затронуть состояния изучения данной проблемы в Японии. В этом случае нет никакой необходимости рассматривать вопрос о том, когда было положено начало советской исторической науки, ибо она возникла одновременно с образованием Советского государства в результате Октябрьской революции.

Однако само собой разумеется, что советская историческая наука не родилась из какого-то “ничто”. Она опиралась при своем возникновении, во-первых, на научные материалы, накопленные до этого времени русскими буржуазными учеными. Во-вторых, она основывается на марксистско-ленинской методологии и научных успехах, достигнутых до Октября В. И. Лениным, М. Н. Покровским и другими марксистами. В этом-то состоит основная черта советской исторической науки. С этой точки зрения представляется необходимым начать эту статью с рассмотрения вопроса о том, как анализировал и понимал реформу 1861 года В. И. Ленин, теоретически углубивший марксистскую методологию и оставивший в своих работах по экономической, политической и исторической проблемам то наследство, которое послужило основой для создания и развития советской исторической науки.

ГЛАВА I. ЛЕНИН О РЕФОРМЕ 1861 ГОДА.

Как известно, вопросам отмены крепостного права 1861 г. В. И. Ленин непосредственно посвящал три статьи: “Пятидесятилетие падения крепостного права”,

“По поводу юбилея” и „Крестьянская реформа” и пролетарско-крестьянская революция”. Между прочим, В.И. Ленин уделял значительное внимание этим вопросам и в своих ранних работах. Поэтому я прослежу его взгляды на реформу в хронологическом порядке. Ленин уже в статье “Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?”, в которой была развернута полемика с народниками по вопросу развития русского общества, анализируя высказывания Чернышевского о реформе, подчеркивает ее буржуазный характер и одновременно решительно говорит о необходимости борьбы с остатками крепостного права, которые все еще сильны, выделяя в них три основных момента: малоземелье, высокие платежи и гнет администрации. “В России остатки средневековых, полукрепостнических учреждений, — пишет Ленин —, так бесконечно еще сильны (сравнительно с Зап. Европой), они таким гнетущим ярмом лежат на пролетариате и народе вообще, задерживая рост политической мысли во всех сословиях и классах, — что нельзя не настаивать на громадной важности для рабочих борьбы против всяких крепостнических учреждений, против абсолютизма, сословности, бюрократии”¹⁾.

“Развитие капитализма в России” (ниже везде — “Развитие”) специально посвящено В.И. Лениным характеристике пореформенной экономической обстановки, в нем Ленин подробно останавливается на разложении крестьянства, переходе помещичьего хозяйства от отработочной системы к капиталистической и подчеркивает, что в конечном счете в России, несмотря на наличие большого количества остатков крепостничества, развивается капитализм. Здесь он и объясняет причину существования остатков крепостного права после реформы. Формулируя основное значение реформы, что “барщинная система хозяйства была подорвана отменой крепостного права”²⁾, Ленин утверждает, что немедленный переход от барщинной системы хозяйства к капиталистической, стоящих на диаметрально противоположных основах, был невозможным по следующим двум причинам: во-первых, отсутствие необходимых условий для капиталистического производства (отсутствие класса, привычного к наемному труду, и отсутствие помещичьего инвентаря, который должен был заменить крестьянский), а во-вторых, “старая барщинная система лишь подорвана, но не уничтожена окончательно”, поэтому-то и продолжали оставаться элементы крепостничества, которые проявлялись следующим образом: “крестьянское хозяйство не было вполне отделено от хозяйства помещиков, так как в руках последних остались весьма существенные части крестьянских наделов: “отрезные земли”, леса, водопой, выгоны и пр. Без этих земель (или сервитутов) крестьяне совершенно не в состоянии были вести самостоятельного хозяйства, и помещики имели таким образом возможность продолжать старую систему хозяйства в форме отработков. Возможность “внеэкономического

Советская историография реформы 1861 года в России.

принуждения” тоже оставалась: временно-обязанное состояние, круговая порука, телесное наказание крестьянина, отдача его на общественные работы и т. д.”³⁾

В феврале 1901 г. В. И. Ленин написал набросок аграрной программы с.-д., принятой на 2-м съезде партии в 1903 г., и опубликовал его в газете “Искра” под заголовком “Рабочая партия и крестьянство”. В этой статье он, начиная с характеристики реформы 1861 г., определил положение в деревне и выдвинул лозунги для крестьянского движения. Здесь содержится много важных замечаний о реформе, среди них особенно важно следующее высказывание: “Под давлением военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян, правительство прямо-таки вынуждено было освободить их”⁴⁾. В то же время у Ф. Энгельса мы находим, что и он считал поражение царизма в Крымской войне одной из причин реформы⁵⁾.

В 1907 г. В. И. Ленин написал статью “Аграрная программа с.-д. в первой русской революции 1905 – 1907 годов”, уточнил свои взгляды на развитие капитализма в сельском хозяйстве в России, основываясь на опыте революции, и выдвинул лозунг о полной ликвидации помещичьего хозяйства вообще, а не его части, т. е. отрезков. Ленин говорит: “Гвоздем аграрной борьбы являются крепостнические латифундии, как самое выдающееся воплощение и самая крепкая опора остатков крепостничества”⁶⁾. Само собой разумеется, здесь имеется в виду буржуазно-демократическая революция. Далее Ленин, указывая, что эти остатки с абсолютной неизбежностью будут подвергнуты гибели развитием товарного хозяйства и капитализма и что, следовательно, перед Россией только один путь, путь буржуазного развития, развертывает известную теорию о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве. “Формы этого развития, — пишет Ленин —, могут быть двояки. Остатки крепостничества могут отпадать и путем преобразования помещичьих хозяйств и путем уничтожения помещичьих латифундий, т. е. путем реформы и путем революции”⁷⁾.

Теория о двух путях буржуазного развития, так называемых американском и прусском, которая была выведена Лениным из новой ситуации, сложившейся в ходе революции, и из опыта революции, дает историкам ключ для понимания реформы 1861 г., и особенно для понимания борьбы всех классов, развернувшейся вокруг реформы. “Возьмите эпоху падения крепостного права, — говорит Ленин —, шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые — интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах

благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения…… Борьба крестьянских и помещичьих интересов не была борьбой “народного хозяйства”… против буржуазии…, — она была борьбой за американский тип буржуазного развития против прусского типа буржуазного же развития”⁸⁾.

Далее коснемся “Аграрного вопроса в России к концу XIX века”, в частности, указания Ленина о связи реформы 1861 г. с двумя путями развития. Эта работа основана на выводах, сделанных в “Развитии” и “Аграрной программе” и использует новые статистические данные. Для понимания пореформенной деревни эта статья имеет значения не меньше, чем “Развитие”. Здесь Ленин говорит, что основной причиной аграрного кризиса, имеющего место в настоящее время, являются помехи, которые мешают развитию производительных сил. “Главной и основной помехой, — пишет Ленин —, …являются пережитки крепостничества, т.е. отработки и кабала прежде всего, затем крепостнические подати, неравноправность крестьянина, приниженность его перед высшим сословием и т. д. и т. д. …Кризис земледелия к концу XIX века обострился невероятно сильно именно по тому, что процесс освобождения России от средневековья слишком затянулся, что отработки и кабала слишком долго “зажились”. Они отмирали после 1861 года до того медленно, что новому организму потребовались насильственные способы быстрого очищения от крепостничества”⁹⁾. Возможны два решения кризиса, продолжает Ленин, это столыпинское решение, проводимое сверху, т. е. путем сохранения помещичьего землевладения и окончательного уничтожения общины, разграбления ее кулаками, и крестьянское решение его снизу, путем уничтожения помещичьего землевладения. Эти два решения ни что иное как выражение двух путей буржуазной эволюции в сельском хозяйстве, которые “вполне ясно обрисовались в России после 1861 года”¹⁰⁾. Как ясно видно из вышеприведенного высказывания Ленина о взаимоотношениях между реформой 1861 г. и двумя путями развития капитализма, эти две тенденции, существуя, в крайней мере, лет за десять до 1861 г. в скрытом виде, после 1861 г. с каждым годом становились все отчетливее и окончательно проявились в крестьянской борьбе и столыпинской реформе в период первой русской буржуазно-демократической революции.

Перейду к трем работам В. И. Ленина относительно реформы 1861 года, которые я упоминал в начале этой главы. Они были написаны в 1911 г. в противовес пропаганде правительства, крепостников и либералов, проводимой по случаю 50-летия т. н. “Великой Реформы”, разоблачали сущность реформы. В них обобщены все взгляды Ленина на реформу 1861 г., содержащиеся в работах, написанных ранее.

Советская историография реформы 1861 года в России.

В этих работах Ленин, разоблачая ошибочность официальных, правительственных (главным образом в “Пятидесятилетии падения крепостного права”), народнических (в “По поводу юбилея”) и либеральных (в „Крестьянской реформе” и пролетарско-крестьянской революции”) взглядов на реформу 1861 г., указывает, в чем состоят причина реформы и основные проблемы, которые породила реформа, каковы ее результаты, и дает нам имеющую и теперь важное значение оценку реформы. Среди трех статей „Крестьянская реформа” и пролетарско-крестьянская революция” подробнее остальных освещает все вопросы, относящиеся к реформе 1861 г.

В. И. Ленин в этих работах, освещая сущность отрезки, выкупа, обезземливания и отмежевания, указывает, что реформа 1861 г. по сути дела не является “Великой Реформой”, а также “освобождением” крестьянства. Например, в статье “Пятидесятилетие падения крепостного права”, написанной раньше двух других статей, Ленин говорит следующим образом: “Русских крестьян господа благородные помещики “освобождали” так, что свыше пятой доли крестьянской земли было отрезано в пользу помещиков. За свои, потом и кровью политые, крестьянские земли крестьяне были обязаны платить выкуп, то есть дань вчерашним рабовладельцам. ...Помещики не только нагнали себе крестьянской земли, не только отвели крестьянам худшую, иногда совсем негодную землю, но сплошь да рядом понаделали ловушек, то есть так размежевали землю, что у крестьян не осталось то выпасов, то лугов, то лесов, то водопоя. Крестьяне ...остались... в прежней, безыходной кабале у помещиков. Крестьяне остались и после освобождения “низшим” сословием, податным быдлом”¹¹⁾.

Далее, Ленин указывает причину, почему реформа стала таковой: ““Великая реформа” была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники. Какая же сила заставила их взяться за реформу? Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские “бунты”, возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнуть снизу”¹²⁾.

Таким образом реформа 1861 г. была проведена как приспособление старой России к условиям новых капиталистических отношений, а в этом случае было возможно завершить это приспособление только двумя путям в буржуазном развитии: путем американского типа или путем прусского типа. Иначе говоря, реформа была осуществлена в результате ожесточенной классовой борьбы за тот или другой путь буржуазного развития, и сама она являлась проявлением этой классовой борьбы.

Прежде всего необходимо рассмотреть, какая расстановка классовых сил была на рубеже 50-х—60-х годов. Разумеется, основное классовое противоречие состоит в противоречии между помещиками и крестьянством. “Пресловутая борьба крепостников и либералов, —говорит Ленин по этому поводу—, ...была борьбой внутри господствующих классов, большей частью внутри помещиков, борьбой исключительно из-за меры и формы уступок”.¹³⁾ Крепостники и либералы стремились к осуществлению прусского пути. Напротив, крестьянство и революционные демократы, “стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой “крестьянской реформы”, весь ее крепостной характер”¹⁴⁾, боролись за американский путь, за завершение крестьянской революции. “Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию”¹⁵⁾.

Итак, непримиримая борьба шла между крестьянством с революционными демократами, с одной стороны, и крепостниками с либералами, с другой. Между прочим, следует отметить, что Ленин все же различает позицию крепостников и либералов. “Либералы хотели “освободить” Россию “сверху”, —пишет Ленин, —не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к “уступкам” духу времени. Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому “борьбой за реформы”, “борьбой за права”, т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией”¹⁶⁾.

Что касается крестьянства, то ему было не под силу свергнуть власть помещиков, несмотря на поддержку революционных демократов. “Века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, —объясняет Ленин эту причину, —что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже “бунтов”, не освещенных никаким политическим сознанием”¹⁷⁾. Союзником крестьянства были революционные демократы, во главе которых стоял Н. Г. Чернышевский. “Чернышевский понимал, —говорит Ленин в статье “Что такое “друзья народа”?”, —что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести “мерзость”, жалкий компромисс интересов либералов... и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их выдающий головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой

Советская историография реформы 1861 года в России.

борьбы классов”¹⁸⁾. В статье „Крестьянская реформа” и пролетарско-крестьянская революция” Ленин следующим образом говорит о сущности социализма у Чернышевского: “Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма”¹⁹⁾. Далее Ленин указывает, что Чернышевский отличается от простых социалистов-утопистов, и говорит: “Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей”²⁰⁾.

Но все же революционные демократы были “крайне немногочисленными”, чтобы успешно завершить свое дело, крестьянскую революцию. При таком соотношении классовых сил “никаких иных “реформ”, кроме проводимых крепостниками, никаких иных “прав”, кроме ограниченных произволом крепостников, не может получиться”²¹⁾.

Как указывал Ленин в статье “Крах II Интернационала”, в 1859–1861 годах существовала революционная ситуация, были налицо ее три признака, которые состоят в следующем: “1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис “верхов”, кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы “низы не хотели”, а требуется еще, чтобы “верхи не могли” жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в “мирную” эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими “верхами”, к самостоятельному историческому выступлению”²²⁾. Но “не всякая революционная ситуация приводит к революции”²³⁾. Итак, из первой революционной ситуации в России не возникла революция. Почему? Ответ на этот вопрос уже ясен, но все-таки сошлюсь на положение Ленина: “Реформа 1861 г. осталась только реформой в силу крайней слабости, бессознательности, распыленности тех общественных элементов, интересы которых требовали преобразования”²⁴⁾.

При этом Ленин останавливается на вопросе о различии реформы и революции, и, разъясняя диалектические взаимоотношения обоих понятий, говорит, что оба понятия противоположны, однако “эта противоположность не абсолютна, эта грань не мертвая, а живая, подвижная грань, которую надо уметь определить

в каждом отдельно конкретном случае”²⁵). Это замечание Ленина очень важно для нас, для японских историков, которые склонны считать, что реформа и революция совсем различные друг от друга понятия, и не учитывать внутренней связи между ними. С точки зрения Ленина “реформа — побочный продукт революционной борьбы”²⁶), и реформа 1861 г. и столыпинская реформа ни что иное как такой побочный продукт.

Наконец переходим к оценке реформы 1861 г. Во-первых, Ленин указывает, что несмотря на то, что реформа 1861 г. была проведена крепостниками и в силу чего она оставила много пережитков крепостного права, ее содержание было буржуазным. В результате реформы, говорит Ленин, в экономической жизни страны “на смену крепостной России шла Россия капиталистическая”²⁷), и был сделан “шаг по пути превращения России в буржуазную монархию”²⁸) в политической жизни. Таким образом, Ленин считает реформу 1861 г. моментом смены общественно-экономической формации (об этом ясно говорится в статье “О государстве”²⁹)).

Во-вторых, реформа 1861 г. по ее характеру не смогла положить конец борьбе между двумя тенденциями буржуазного развития, которые наметились только в 1861 г. в жизни, и в действительности “встряхнула весь народ, разбудила его от всякого сна, научила его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную победу”³⁰). Итак, в самом деле “61-й год не сумел предупредить девятьсот пятого,” как сказал наемный писака черносотенного царского правительства Меньшиков.

“1861-й год—пишет Ленин, — породил 1905-й. Крепостнический характер первой “великой” буржуазной реформы затруднил развитие, обрек крестьян на тысячи худших и горших мучений, но не изменил направление развития... Реформа 61-го года отсрочила развязку, открыв известный клапан, дав некоторый прирост капитализму, но она не устранила неизбежной развязки, которая к 1905-му году разыгралась на попроще несравненно более широком, в натиске масс на самодержавие царя и крепостников-помещиков. Реформа, проведенная крепостниками в эпоху полной неразвитости угнетенных масс, породила революцию к тому времени, когда созрели революционные элементы в этих массах”³¹).

Это учение Ленина о том, что экономические предпосылки революции 1905–1907 гг. зародились вместе с реформой 1861 г., я считаю очень важным и тогда, когда рассматриваем вопрос о взаимосвязи между столыпинской реформой и двумя революциями 1917-го года.

Советская историография реформы 1861 года в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) В. И. Ленин. Соч., издание 4-е, т.1, стр. 272.
- 2) В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, Госполитиздат, М., 1950, стр. 153.
- 3) Там же, стр. 154.
- 4) В. И. Ленин. Соч., т.4, стр. 395.
- 5) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.XVI, ч.II, стр. 398.
- 6) В. И. Ленин. Соч., т.13, стр. 215.
- 7) Там же.
- 8) Там же, стр. 216-217.
- 9) В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 114.
- 10) Там же, стр. 118.
- 11) В. И. Ленин. Соч., т.17, стр. 65.
- 12) Там же, стр. 95.
- 13) Там же, стр. 96.
- 14) Там же.
- 15) Там же.
- 16) Там же, стр. 96-97.
- 17) Там же, стр. 96.
- 18) В. И. Ленин. Соч., т.1, стр. 264.
- 19) В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 97.
- 20) Там же.
- 21) Там же.
- 22) В. И. Ленин. Соч., т.21, стр. 189-190.
- 23) Там же стр. 189.
- 24) В. И. Ленин. Соч. т.17, стр. 90.
- 25) Там же, стр. 89-90.
- 26) Там же, стр. 100.
- 27) Там же, стр. 66.
- 28) Там же, стр. 95.
- 29) См., В. И. Ленин. Соч., т.29, стр. 493.
- 30) В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 65.
- 31) Там же, стр. 99.

ГЛАВА II. ИСТОРИОГРАФИЯ РЕФОРМЫ В 1917—1935 ГОДАХ.

Как известно, 20-е годы характеризуется господством М. Н. Покровского и его школы в исторической науке и преподавании истории. Постановления партии и правительства о преподавании истории, изданные в 1934 и 1936 гг., сыграли решающую роль в преодолении ошибок т. н. исторической школы Покровского и в дальнейшем развитии советской исторической науки. С этой точки зрения представляется необходимым остановиться сначала на этом периоде.

После Октябрьской революции, в частности в первой половине 20-х годов, интерес историков направлялся на изучение истории революционного движения

и истории пролетариата, а изучению внутренней политики царизма историки уделяли гораздо меньшее внимание. Это нашло отражение в том, что в этот период было очень мало статей и монографий по реформе. В этот период советские историки в основном стремились также пересмотреть накопленные буржуазной историографией исторические материалы, разоблачить буржуазные концепции, расчистить путь для развития марксистско-ленинской исторической науки. Однако эта работа была не менее трудна, чем исследование нового предмета, поэтому ею занимались, главным образом, старые историки-большевики, одним из которых был М. Н. Покровский. Между прочим, это лишь главное направление; были, разумеется, случаи, когда этой работой занимались и беспартийные историки, например В. И. Пичета.

Пересмотр наследства буржуазной историографии относительно вопросов реформы также явился центральной задачей этого периода. В 1926 г. Покровский опубликовал без всякой переработки большую статью “Крестьянская реформа 1861 г.”, написанную им в 1908 г. для второй главы 3 тома “История России в XIX веке”.

Эта статья больше по объему и содержанию, чем другие статьи Покровского по реформе. В силу того, что буржуазная историография в основном интересовалась подготовкой реформы и борьбой дворян вокруг реформы, большая часть этой статьи была посвящена изложению подготовки реформы с целью разоблачения ошибок допущенных буржуазными историками в изучении этой проблемы. Покровский в первой главе “Новое общество” изложил предпосылки и причины реформы. Он указывает на развитие капиталистических отношений в условиях феодально-крепостнического строя как на основную предпосылку реформы. Прежде всего он подчеркнул роль крепостничества как препятствия развитию капиталистических отношений с точки зрения рынка рабочей силы¹⁾. Между прочим, во-первых, так как в то время еще не был установлен в марксистской методологии истории закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил, он искал причину экономического развития в условиях рынка, а не в сфере производства; во-вторых, он совсем не понял, в чем заключается разница между капиталистическим товарным производством и простым товарным производством. Поэтому для него развитие товарно-денежных отношений тождественно с развитием капитализма. “Меновая теория” привела Покровского к теории “товарного капитализма”, которая еще не проявилась достаточно четко в статье “Крестьянская реформа 1861 г.”, а получила ясное отражение в “Русской истории в самом сжатом очерке” (далее везде — Сжатый очерк). Посмотрим, как эта теория искажает взгляды на реформу и ее оценку.

Когда Покровский анализирует влияние развития товарно-денежных от-

Советская историография реформы 1861 года в России.

ношений на сельское хозяйство, он совсем игнорирует разложение крестьянства, а только освещает помещичье хозяйство и создает следующую схему: рост вывоза хлеба→расширение помещиками производства хлеба на внешний рынок→превращение помещичьего хозяйства в предприятие→осознание помещиками выгоды свободного труда→стремление помещиков к капиталистическому хозяйству→требование освобождения крепостного крестьянства. В этой схеме две ошибки: во-первых, переоценка вывоза хлеба и неправильный подсчет динамики хлебной цены, на что было указано Н. М. Дружининым и Е. А. Мороховцом²⁾. Во-вторых, методологическая ошибка: для Покровский превращение помещичьего хозяйства в товарное производство на рынок обозначается превращением его в капиталистическое хозяйство, и употреблял даже такой термин, как “капиталистическая барщина”³⁾. Однако товарность и предпринимательство помещичьего хозяйства никак не обозначает его капиталистического характера. Он не понимает, что купля-продажа свободной в двойном смысле рабочей силы является основой капиталистического производства. Неудивительно, что Покровский с таким взглядом на экономику дореформенной России делал вывод о том, что реформа не произвела никакого серьезного изменения в хозяйстве⁴⁾.

Покровский в статье “Крестьянская реформа” не указывал на поражение царизма в Крымской войне как на одну из важных, непосредственных предпосылок реформы. А в “Сжатом очерке” он упоминает о Крымской войне; он говорит, что она была борьбой за внешний рынок, начатой промышленным капиталом из-за узости внутреннего рынка, что “поиски внешнего рынка кончились крахом, приходилось волей-неволей расширять внутренний”⁵⁾. В то время, продолжает он, торговый капитал, который оживился благодаря росту хлебного вывоза с 40-х годов, поставил вопрос о строительстве железной дороги, чтобы соединить районы хлебного производства с Черным и Балтийским морями. Таким образом он пришел к выводу о том, что был достигнут компромисс между торговым и промышленным капиталами, результатом которого явилась реформа 1861 г. Здесь Покровский понимает Крымскую войну и строительство железной дороги совсем в другом аспекте, чем Энгельс и Ленин.

Оценка Покровским крестьянского движения, когда он говорит, что “условием, принудившим помещиков ликвидировать барщинное хозяйство с быстротой, ... было несомненно опасение, что иначе ликвидация пойдет снизу, революционным путем, и не ограничится уже одной барщиной”⁶⁾, в общем правильна. Однако здесь сразу бросается в глаза то, что Покровский поднял только вопрос барщины. По его мнению “оборочное хозяйство экономически ничем не отличалось от вольного крестьянского хозяйства”⁷⁾. Кроме того, при дальнейшем чтении статьи стано-

вится ясным, что его оценка крестьянского движения в этой статье не последовательна. Утверждая, что крестьянское движение якобы затихло после опубликования рескриптов, он следует за буржуазно-либеральными историками. “Крестьянство оказалось гораздо благонамереннее, — пишет Покровский —, чем от него ожидали”⁸⁾. Итак, Покровский выдвинул странную версию, что якобы во время подготовки реформы правительство колебалось между интересами крестьянства и интересами дворянства из-за боязни крестьянского движения, с одной стороны, и боязни нарастания дворянского либерально-оппозиционного движения (“дворянской революции”), с другой стороны, что, когда правительство поняло, что эта боязнь неосновательна, оно, вернувшись к своему привычному положению, примирилось с оппозицией на основе минимальных экономических уступок, сделанных наиболее отсталой частью дворянства⁹⁾.

В “Сжатом очерке” он также утверждает, что страх пугачевщины является важной причиной реформы; отличие этого очерка от статьи “Крестьянская реформа” состоит в том, что в нем Покровский перестал говорить о затишье крестьянского движения после 1857 г., наоборот, он указывает на возрастание его вплоть до самой реформы¹⁰⁾. Между прочим, в обеих работах он совсем не говорит о революционной ситуации.

Большую часть статьи “Крестьянская реформа” занимает изложение подготовки реформы (глава 2—“Губернские комитеты”, глава 3—“Редакционные комиссии” и почти половина последней главы “Ликвидация крепостного права”). Покровский правильно понимает суть борьбы среди дворянства. “Соперничество, — пишет он, — разыгралось не между дворянством и буржуазией..., а между отдельными слоями самого дворянства”¹¹⁾. Он выделил 8 групп дворянства. Во-первых, мелкопоместные дворяне, которые не имели никакого влияния на губернские комитеты, сильные крепостники, во-вторых, помещики барщинных имений, которые подразделялись на три группы. Первая подгруппа из-за “отсталости помещичьего хозяйства” настаивала на бессрочном использовании крестьянами имеющихся у них наделов. В эту подгруппу входили помещики из губерний Среднего Поволжья, интересы которых представлял проект Самарина. Его требования вытекали не из-за отсталости хозяйства, а из-за “отсталости края”, от потребности в рабочей силе. Кстати, когда Покровский, определяя характер проекта Самарина, указывал, что “Самарин выражал интересы докапиталистического землевладельца”¹²⁾, он упустил из виду применение вольнонаемного труда, сравнительно широко распространенное в этом районе. Вторая подгруппа — помещики, имения которых находились в плотнонаселенных нечерноземных районах, близ рек, в районе Николаевской железной дороги и около рынков сбыта. Их интересы были отражены в проекте Унковского. Они настаи-

Советская историография реформы 1861 года в России.

вали на наделении крестьян землей с максимальным размером и на немедленном выкупе, чтобы получить капитал, необходимый для перехода к капиталистическому хозяйству. Унковский выражал “интересы развитого сельскохозяйственного капитализма”¹³⁾. Третья подгруппа — помещики черноземной полосы, которые настаивали на безвозмездной ликвидации барщины с передачей всей земли помещику. Интересы этой подгруппы представлял проект Полтавского губернского комитета. “Проект безземельного освобождения отражает собою интересы капитализма эпохи первоначального накопления”. В связи с этим необходимо сказать, что по мнению Покровского безземельное освобождение является капиталистическим, а освобождение с землей — феодальным. Затем, можно выделить третью группу помещиков — помещиков оброчных имений, которые, в свою очередь, подразделялись на две подгруппы. Первая подгруппа — помещики черноземной полосы, интересы которых вполне совпадали с интересами помещиков барщинных имений в данной полосе, так как они тоже считали выгодным обезземеление крестьянства и сдачу земли в аренду. Вторая подгруппа — помещики из промышленного района нечерноземной полосы, интересы которых заключались в получении максимальной суммы выкупа и отражались в выкупе личности, и чьи взгляды были изложены в проекте Унковского. Таким образом, их интересы совпадают с интересами помещиков барщинных имений в данной полосе. Наконец, последняя группа — крупные помещики, окружающие императора, владевшие, главным образом, оброчными имениями. Покровский характеризует их хозяйство, указывая, что “здесь было крепостное право, но не было крепостного хозяйства”¹⁴⁾, что их интересы заключались в сохранении дохода, связанного с земельной собственностью, т. е. в юридическом превращении оброка в ренту. Поэтому они настаивали на безземельном освобождении крестьян. Шувалов и Пашкевич принадлежат к этой группе.

Таким образом Покровский был прав в том, что он искал причину борьбы между помещичьими группами в различии их интересов, зависящих от характера их хозяйства и экономических особенностей разных районов. Он правильно поставил вопрос, но неправильно решил его из-за неверного понимания характера помещичьего хозяйства.

В характеристике либералов и крепостников Покровский подчеркивал, что они в одинаковой мере были защитниками помещичьих интересов, и говорил, что “либералы отличались от “крепостников” более в собственном воображении и изображении, чем объективно”¹⁵⁾. Он перечислял причины, которые сделали буржуазную мысль умеренной: во-первых, он считает, что русские помещики должны были внести приемы буржуазного хозяйства в крепостническое общество, поэтому у них были две души, душа феодала и душа буржуа; во-вторых, у

подлинной буржуазии было требование на сильную власть, что присуще буржуазии периода первоначального накопления; в-третьих, опасность взрыва снизу усилила вышеуказанную тенденцию дворянства и буржуазии. И здесь непонимание сущности помещичьего хозяйства также не позволяло Покровскому поставить боязнь революции в центр этого вопроса.

Оценка Покровским Герцена и Чернышевского совершенно неверна. В статье “Крестьянская реформа” буквально сказано только два слова о них. По мнению Покровского Герцен стоял на позиции самой левой буржуазной оппозиции и был максималистом, отличающимся от реального политика Кавелина. Он совсем не говорит о Герцене после 19 февраля. Чернышевского он характеризовал только одним словом “радикалом”¹⁶⁾. В “Сжатом очерке” Покровский характеризовал Герцена “провозвестником мелкобуржуазного социализма в России”¹⁷⁾. Такая характеристика не дает его настоящего образа. Взгляд Покровского на Чернышевского в “Сжатом очерке” идет дальше. Ссылаясь на прокламацию “Барским крестьянам”, он говорит, что Чернышевский “на практике, а не теории, тяготел более к политической демократии”¹⁸⁾ и, поддерживая социализм Герцена, надеялся использовать крестьянское движение для свержения крепостнического государства, власти царя и помещиков. Так Покровский не понял разницы социализма Герцена и Чернышевского, различия в понимании ими исторического значения общины. Более того, он не понимал революционности Чернышевского и писал, что после объяснения прокламации, “среди его последователей нашлись люди, которые не могли и не хотели ждать; они выпустили воззвание, еще более революционное, чем “Барским крестьянам”¹⁹⁾. В 1928 г. Покровский написал статью “Чернышевский и крестьянское движение конца 1850-х годов”, в которой он впервые правильно понял революционность Чернышевского и характеризовал сущность его статей по крестьянскому вопросу “как в цензурном виде выраженные, ловко замаскированные лозунги крестьянского движения”²⁰⁾.

Что касается проведения в жизнь “Положений”, то Покровский совсем не коснулся этого вопроса в обеих своих работах, уделив внимание в “Сжатом очерке” только крестьянскому движению после 19 февраля. Он также не рассматривал реформу в национальных районах, лишь только кратко коснувшись в “Сжатом очерке” пересмотра реформы в западных губерниях²¹⁾.

Наконец остановлюсь на том, как Покровский определяет сущность и последствия реформы. Он признает крепостнический характер реформы. “Чувство самосохранения дворянства, как класса, требовало крестьянской реформы”, — пишет он — , и “крепостное право отменялось потому, что этого желали помещики, и они делали так, как этого желали”²²⁾. В этом положении Покровский прав, кроме одного тезиса, что сами помещики желали реформы²³⁾. Однако

Советская историография реформы 1861 года в России.

Покровский не мог правильно определить буржуазное содержание реформы. Он говорит: “реформа приняла катастрофический характер, дорого стоивший отдельным землевладельцам, — но не изменивший ее конечных результатов”²⁴⁾. В основе его ошибки лежит то, что, как уже я указывал выше, он ищет капиталистические отношения только в сфере товароборота, следовательно, он не может осознать существенное различие капиталистических и феодальных производственных отношений. Он не мог понять, какую важную роль сыграло освобождение личности крестьянства в дальнейшем процессе развития хозяйства страны. Хотя он говорит, что “русский крестьянин перестал быть крепостным — но он не сделался и свободным мелким собственником. Из белого негра он превратился в батрака с наделом”²⁵⁾. Его “батрак с наделом” является противоположным ленинскому наемному рабочему с наделом, появившемуся в результате разложения крестьянства, и не чем иным как крепостным. Следовательно, Покровский односторонне подходит к решению вопроса.

Поэтому он, не нашедший последствия реформы в экономике, нашел их в политической жизни. Он говорит: “крестьянин перестал быть “подданным” помещика и превратился в то, с чего начал в XVIв., — в крепкого в земле государства тяглеца”, и “дворянская Россия все-таки вышла из “эпохи великих реформ” укрепленной и освеженной — и способной еще раз дать бой той буржуазной России……”²⁶⁾. По его мнению реформа якобы является важнейшим этапом “на пути превращения феодальной России в централизованную бюрократическую монархию”²⁷⁾. Бесспорно, что эти положения Покровского о политических последствиях реформы далеко отходят от положений Ленина о результатах реформы.

В “Сжатом очерке” он несколько по-другому рассматривает сущность и последствия реформы. Здесь реформа является результатом борьбы между торговым и промышленным капиталами. “Было бы конечно очень наивно думать, — пишет он, — что торговый капитал и его союзник, барин-крепостник, сдадутся совсем и смиренно падут к ногам русской промышленности… старым господам досталась конечно львиная доля, промышленная буржуазия получила лишь столько, сколько ей было совершенно необходимо и даже немножко меньше и этого. Прежде всего торговый капитал сохранил все же мелкого самостоятельного производителя, к которому привык”²⁸⁾. Далее, он перечисляет пережитки крепостного права и делает почти одинаковый вывод, с которым мы уже встречались в “Крестьянской реформе”: “На самом деле и освобождения-то почти не было… Прежде каждый отдельный помещик выжимал этот (прибавочный—Т.И.) продукт из крестьянина барщиной либо оброком, теперь это стало делать все дворянское государство при помощи податей”, итак

“устройство госудасртва до конца XIX в. в России осталось таким, каким оно сложилось к началу XVIII в.”²⁹⁾.

Покровский не понял, что реформа ускорила разложение крестьянства, не понял и являющимся его результатом развития капитализма: по его мнению “резервная армия труда” была создана не благодаря реформе, наоборот, “вопреки тем условиям, при которых произошло это падение (крепостного права — Т. И.)”³⁰⁾. Он утверждает, что процесс создания пролетариата начался лишь с 80-х годов, но в этом случае он упустил из виду процесса формирования сельской буржуазии.

Такова была концепция Покровского о реформе. Рассмотрю теперь взгляды Н. А. Рожкова на реформу, который был современником Покровского и тоже экономическим материалистом. Рожков посвятил изложению реформы 1861 г. первую часть 39-й главы XI тома в его капитальном труде “Русская история в сравнительно-историческом освещении” под заголовком “Ход реформы 19 февраля 1861 года”. Форма изложения очень похожа на Покровского, подготовка реформы занимает большую часть страниц.

Экономические предпосылки изложены в предыдущих главах. Указывая на прекращение прироста крепостного населения в противовес увеличению числа городского населения, Рожков говорит: “Это, конечно, свидетельствует об огромном кризисе крепостного права…… Это подтверждается и фактором огромного роста крестьянских волнений”³¹⁾. Далее он указывает на фактор обезземеления крепостного крестьянства и повышения оброка и делает вывод: “Этими данными неопровержимо устанавливается экономическая необходимость отмены крепостного права в интересах крестьянского хозяйства”³²⁾. Затем перейдя к рассмотрению помещичьего хозяйства, он указывает на стремление помещиков к улучшению своего хозяйства и подчеркивает, что из среды передовых помещиков вышли деятели, которые признавали необходимость перехода к свободному труду. Рожков пишет: “Это значит, что окрепло сознание необходимости отмены крепостного права в интересах сколько-нибудь удовлетворительно поставленного предпринимательского сельского хозяйства”³³⁾. Он еще указывает на фактор уменьшения барщины и перехода к оброчной системе на большей части территории крепостной России. Эти явления, по мнению Рожкова, подкрепляет вышеуказанный его вывод. Итак, “экономическая подготовка отмены крепостного права, — говорит он, — совершалась не только в крестьянском хозяйстве, но, в зависимости особенно от условий рынка, и в передовом помещичьем”³⁴⁾.

В этом же истолковании Рожков делает две ошибки: во-первых, он механически отделил крестьянское хозяйство от помещичьего и не видел органической связи между ними; во-вторых, осознание помещиком выгоды

Советская историография реформы 1861 года в России.

свободного труда он прямо связал с сознанием необходимости отмены крепостного права. Рожков, в отличие от Покровского, всячески подчеркивал роль внутреннего рынка. Однако, когда Ляшенко, противопоставляя Рожкова Покровскому, говорит, что Рожков ищет причины кризиса и распада крепостной системы только на внутреннем рынке, его критика Рожкова, мне кажется, не очень удачна³⁵⁾, потому что Рожков не только не отрицает значения внешней торговли, но даже говорит, что “обращаясь к изучению хозяйства помещичьего, заинтересованного в рынке, необходимо прежде всего познакомиться с внешней торговлей России”³⁶⁾ (подчеркнуто мною — Т.И.).

Прежде чем перейти к рассмотрению взгляда Рожкова на подготовку реформы, коротко остановлюсь на мнении о предпосылках реформы, высказанном В. И. Пичета, который написал несколько статей по исследованию отдельных конкретных вопросов реформы. Наиболее полно Пичета остановился на экономических предпосылках реформы в работе “История народного хозяйства в России”.

В этой работе Пичета пишет о предреформенном положении промышленности следующим образом: “страна пережила большой промышленный подъем (после Отечественной войны — Т.И.), ставивший на очередь вопрос о внутреннем рынке для промышленности и тем самым выдвигавший проблему ликвидации крепостных отношений, тормозивших увеличение емкости внутреннего рынка”³⁷⁾. Затем он перешел к вопросу индустриализации и опять подчеркнул узость внутреннего рынка при условии крепостного права и необходимость раскрепощения, чтобы провести индустриализацию на основе расширения рынка сбыта³⁸⁾. Таким образом он подходит к данному вопросу только с точки зрения внутреннего рынка и совсем опускает вопрос об образовании свободного рабочего, о котором говорит Рожков³⁹⁾.

Относительно сельского хозяйства Пичета указывает, что в промышленном районе нечерноземной полосы происходило увеличение спроса на хлеб, которое вызвало превращение помещичьего хозяйства в предприятие и его интенсификацию. В этой обстановке, считает Пичета, “наиболее практические хозяева (помещики — Т.И.) вполне понимали целесообразность ликвидации крепостных отношений. Крепостное хозяйство изживало само себя. Помещики-предприниматели, лишенные возможности перейти к вольнонаемному труду, всячески приспособляли свое хозяйство к уже отжившим формам социальных отношений, которые задерживали рост частно-владельческого хозяйства и уменьшали ту земельную ренту, для увеличения которой складывалось так много благоприятных обстоятельств, как на внутреннем, так и внешнем рынках. Естественным выходом из создавшегося положения — была немедленная отмена крепостного

права. Этого требовали и интересы народного хозяйства и собственно помещичьи интересы”⁴⁰⁾. Таким образом Пичета, подчеркивая вопрос о внутреннем рынке как экономической предпосылке реформы, выяснил, что развитие народного хозяйства поставило вопрос о ликвидации крепостного права. Однако, в силу того, что Пичета совсем игнорировал классовую борьбу, у читателей остается такое впечатление, что помещики могли бы добровольно приступить к реформе. Это, на мой взгляд, существенный недостаток данной монографии Пичета.

Вернусь опять к Рожкову. Рожков, упрекая Покровского в том, что страх перед крестьянскими бунтами считается неосновательным, говорит следующим образом: “без давления крестьянства…… не была бы предпринята в правительственных сферах и сама реформа”⁴¹⁾. То, что Рожков считает крестьянское движение движущей силой реформы, правильно, но Рожков ни одного слова не говорит о роли поражения в Крымской войне. Дальше он точно определил основное значение реформы: “Вопрос ставился, в сущности в том смысле, каков должен быть тот минимум уступок, который предотвратил бы крестьянскую революцию, сохранив в то же время максимум выгод для помещиков и государства”⁴²⁾.

К этому вопросу разные группы помещиков и “бюрократы не помещики” относились по-разному. Прежде всех император, бюрократы и крупные помещики принялись за реформу. Они согласились на проект Позена, который в начальном этапе был идейным вождем крупных помещиков⁴³⁾. Против этой группы выступала группа средних земледельческих, обуржуазившихся, следовательно, либерально настроенных помещиков, которая разделилась на две подгруппы: черноземная и нечерноземная. Вокруг реформы эти три группы вели борьбу и бюрократы стояли на компромиссной позиции между ними⁴⁴⁾. Критерием Рожкова для определения групп помещиков является размер имений, а не экономическое содержание их хозяйства. О оценке революционных демократов Рожков очень далек от истины; он не понял отличия Герцена от либералов и считал Герцена сторонником “либерального, вернее консервативно-прогрессивного центра”. Чернышевского он считает просто радикальным левым крылом. Указывая, что Чернышевский пришел к “пессимистическому выводу” о реформе, Рожков не понял, почему Чернышевский настаивал, что лучше освободиться без земли, чем получить клочок земли за выкуп, и писал, что Чернышевский предпочитал “прямо пролетаризировать крестьянство”⁴⁵⁾. Это совсем не так.

Далее, Рожков указал на крепостнический характер реформы, пережитки крепостного права, отмечая роль реформы в дальнейшем развитии капитализма: “Типичная реформа, предпринятая и проведенная правящими классами, хотя и

Советская историография реформы 1861 года в России.

из боязни крестьянской революции, но в интересах именно этих правящих классов, только на половину обуржуазившихся, а на половину сохранивших крепостническую природу, — падение крепостного права в России являло собою пример создания наиболее отсталых условий развития производственного капитализма”⁴⁶⁾.

К этому выводу Рожков пришел в результате своеобразного сравнительного анализа. Он выдвинул пять типов развития капитализма: английский, американский, прусский, французский и особый тип Ирландии, и, сравнивая с ними развитие капитализма в России, считал его специфическим. Это сравнительный анализ очень поверхностный, тут совсем не существует сходства с теорией Ленина о двух путях.

В заключении он пишет, что “важнейшая цель реформы — предотвращение крестьянской революции” была достигнута на время⁴⁷⁾, после этого приводит данные крестьянских волнений после 19 февраля. Хотя Рожков подчеркивал значение крестьянского движения в вопросах о реформе, он не воспринял его как основное содержание надвигающейся революционной ситуации. Такова концепция Рожкова, которая в общем имеет ряд сходства с теорией Покровского. Но, во всяком случае преимущество Рожкова заключается в том, что у него меньше схематизации, что его изложение более последовательное и обширное, так как затрагивает вопрос о реформе в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине, в удельных имениях и на государственных землях.

Как уже было указано выше, авторы обобщенных работ этого периода по реформе более или менее успели пересмотреть буржуазные взгляды, хотя в их работах содержится много методологических недостатков. Общее трех авторов, работы которых я рассмотрел, состоит в том, что они совсем не учитывали указаний Ленина по данному вопросу. Кроме того, им чужды и взгляды буржуазной историографии, которая отводит значительную роль государственной власти и отдельным личностям в почине самой реформы. В этом отношении их работы, можно считать, сыграли положительную роль для дальнейшего продвижения вперед изучения реформы в СССР. Однако нельзя не признать, что неправильные взгляды авторов, особенно Покровского, оказали большое отрицательное влияние на других историков, так как Покровский занимал самое высокое место среди историков и в научной и в политической жизни. Возьмем пример; В.И. Писарев, который впервые среди историков-марксистов занимался локальным исследованием реформы на основе архивных материалов, в том числе и уставные грамоты, целиком поддержал взгляды Покровского на реформу и изложил общий обзор реформы по схеме Покровского⁴⁸⁾.

Как уже говорили, в этот период общий интерес историков направлялся к

изучению революционного движения, что отражается в публикации материалов по крестьянскому движению, связанному с реформой, в 8 томах “Красного архива” в 1923–1929 гг. В 1931 г. был издан сборник материалов “Крестьянское движение 1827–1869 гг.” под редакцией Е. Мороховца. Этот сборник состоит из годовых отчетов III-го отделения императору и дает ценные материалы и для изучения крестьянского движения периода реформы.

Наконец, надо отметить, что в конце этого периода изучение важнейшего источника по истории осуществления реформы — уставной грамоты — началось молодыми исследователями и их группами под руководством профессоров И. И. Полосина и В. Н. Бочкарева в масштабе одной губернии или нескольких уездов. В общем же в этот период было очень мало локальных исследований. Систематическое изучение крестьянской реформы началось со второй половины 30-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) История России в XIX веке, т. 3, стр. 70.
- 2) См., сб. статей “Против исторической концепции М.Н. Покровского”, стр. 334–346, 394–396.
- 3) История России в XIX веке, т.3, стр. 102.
- 4) Там же, стр. 84.
- 5) Сжатый очерк, часть 1-2, изд. 10-е, 1931, стр. 114.
- 6) История России в XIX веке, т. 3, стр. 74.
- 7) Там же, стр. 103.
- 8) Там же, стр. 116.
- 9) См., там же, стр. 113, 116, 125, 126, 172.
- 10) Сжатый очерк, стр. 114.
- 11) История России в XIX веке, т. 3, стр. 102.
- 12) Там же, стр. 108.
- 13) Там же.
- 14) Там же, стр. 154.
- 15) Там же, стр. 102.
- 16) Там же, стр. 85, 134.
- 17) Сжатый очерк, стр. 184.
- 18) Там же, стр. 185.
- 19) Там же, стр. 186.
- 20) “Историк-марксист”, т. 10 1928 г., стр. 11–12.
- 21) Сжатый очерк, стр. 156, 186, 179.
- 22) История России в XIX веке, т.3, стр. 72, 179.
- 23) См., Н. А. Цаголов, Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права, 1956, стр. 62, 63.
- 24) История России в XIX веке, т.3, стр. 74.
- 25) Там же, стр. 87.
- 26) История России в XIX веке, т. 3, стр. 179.
- 27) Там же.
- 28) Сжатый очерк, стр. 115.

Советская историография реформы 1861 года в России.

- 29) Там же, стр. 116, 118.
- 30) Там же, стр. 117.
- 31) Н.А. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т.Х, 1924, стр. 275.
- 32) Там же, стр. 277.
- 33) Там же, стр. 280.
- 34) Там же, стр. 284.
- 35) См., П. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, 1952, стр. 557.
- 36) Н.А. Рожков. Указ. соч., т.Х, стр. 277.
- 37) В.И. Пичета. История народного хозяйства в России, М., 1923, стр. 78.
- 38) Там же, стр. 94.
- 39) Н.А. Рожков. Указ. соч., т.Х, стр. 288–289.
- 40) В.И. Пичета. Указ. соч., стр. 125.
- 41) Н.А. Рожков. Указ. соч., т.ХI. стр. 6.
- 42) Там же, стр. 9.
- 43) См., там же, стр. 9–10.
- 44) О бюрократах см. там же, стр. 14–15, 28.
- 45) Там же. стр. 21.
- 46) Там же, стр. 35.
- 47) Там же, стр. 36.
- 48) В. Писарев. Ликвидация крепостного права а Приазовье 1857–1963 гг., 1824, стр. 5–6, 9–11.

ГЛАВА III. ИСТОРИОГРАФИЯ РЕФОРМЫ С 1935 ГОДА ПО НАЧАЛО 50-х ГОДОВ.

Начало второго периода в историографии реформы ознаменовалось появлением очерка по истории реформы, опубликованного профессором Е. А. Мороховцом в 1937 г. В своей работе “Крестьянская реформа 1861 г. Научно-популярный очерк” автор, опираясь на высказывания Ленина, с одной стороны, и на критику Покровского и буржуазных историков, с другой, выдвинул марксистско-ленинскую, стройную концепцию реформы. По словам П.А. Зайончковского, в этом очерке “впервые была изложена история отмены крепостного права с марксистско-ленинских позиций”¹⁾.

Мороховец посвятил первую главу подробному объяснению разложения феодально-крепостнического строя и возникновения новых капиталистических отношений как экономических предпосылок отмены крепостного права ; рассматривая их с точки зрения противоречий между производительными силами и производственными отношениями, он показал, как система крепостного права препятствовала развитию промышленности, как возникли противоречия между помещичьим и крестьянским хозяйствами. Вторая глава была посвящена изложе-

нию крестьянского движения как одной из важнейших политических предпосылок крестьянской реформы и основывалась на новых материалах из вышеупомянутого сборника документов “Крестьянское движение 1827—1869 гг.”. Мороховцом здесь было также дано правильное объяснение роли Крымской войны. В третьей главе описывается классовая борьба вокруг реформы, причем за основу была взята теория о двух путях, борьба за которые определяет исходный пункт дальнейшего развития капитализма. Подразделение помещиков на группы, выдвинутое автором в этой главе, прочно вошло в научный оборот и в дальнейшем не подвергалось коренному исправлению. Так, Зайончковский уточнил схему Мороховца, прибавляя к группе противников реформы еще одну прослойку помещиков, которой являлась “значительная часть среднепоместного дворянства, хозяйство которого носило натуральный характер, вследствие чего оно было слабо вовлечено в орбиту рыночных отношений” ²⁾.

4-я глава — объяснение содержания Положений 19 февраля. 5-я глава “Крестьянская борьба в связи с реформой” сравнительно слаба, так как этот вопрос в то время был еще мало изучен. Здесь автор, отмечая спад крестьянского движения с 1864 г., не точно указывал на его большой подъем весной 1861 г., составлявший важное звено революционной ситуации. Кстати говоря, во второй главе, Мороховец совсем не упоминал революционной ситуации, хотя в последней главе теоретически объяснил ее. В этой же пятой главе автор затрагивал вопрос о составлении уставных грамот, но совсем не писал об изменении крестьянского землепользования, а также о результатах выкупной операции.

В 6-й главе описывается реформа в национальных районах и реформа о государственных и удельных крестьянах. Это является бесспорной заслугой автора. Однако, он неправильно утверждает, что наделы удельных крестьян не были подвергнуты урезке, осуществление которой можно доказать на основе дореволюционных официальных данных. Повидимому, это можно объяснить тем, что в 30-х годах не было специальных исследований по этому вопросу ³⁾.

Последняя глава посвящается изложению исторического значения реформы. Здесь в заключении он подчеркивает, что промышленный кризис в начале XX-го века является проявлением противоречия между оставшимися после реформы пережитками крепостного права и капитализмом, что в силу этого была поставлена задача ликвидации этих пережитков, вокруг которой развернулась борьба крестьянства и помещиков за осуществление того или иного из двух путей развития капитализма в деревне, и что в отличие от 1861 г. у крестьянства уже был надежный и боеспособный союзник, пролетариат.

В общем, в очерке Мороховца по реформе были исчерпаны все основные проблемы марксистской историографии по этой теме, и о данной работе можно

Советская историография реформы 1861 года в России.

сказать, что она означает победу марксистско-ленинской исторической науки не только над буржуазной исторической наукой, но и над школой Покровского. Эта работа является общим итогом изучения реформы в первый период, а также исходным пунктом второго периода историографии реформы, так как с одной стороны, работа обобщающего характера не может быть создана без предшествовавших ей достижений как в исследовании отдельных, конкретных вопросов, так и в области теории и методологии, а с другой, на определенном этапе развития изучения исследования тех или иных отдельных конкретных вопросов не может продвинуться вперед без работы обобщающего характера, которая наглядно показывает и достижения и пробелы. В самом деле, очерк Мороховца служил около двадцати лет единственным пособием и оказывал влияние на исследователей конкретных вопросов по реформе, особенно авторов локальных исследований ⁴⁾.

В этом очерке Мороховец обнаружил последовательные взгляды на реформу, отвечающие марксистско-ленинской исторической науке, а в статье “Крестьянская реформа 1861 г. в освещении М. Н. Покровского”, помещенной в двухтомном сборнике критических статей ⁵⁾, он отчетливо показал несостоятельность и неправильность взглядов Покровского в каждой отдельной проблеме реформы, разоблачив ошибки его методологии вообще и отдельных научных приемов и анализа исторических фактов. В частности, в этой работе Мороховец прежде всего противопоставлял взглядам Покровского высказывания классиков марксизма, главным образом, Ленина, доказывал на основе исторических материалов несоответствие понимания Покровского истинному положению вещей и давал правильное понимание вопросов. Нечего и говорить, что эти две работы Мороховца сыграли решающую роль при разрыве историков с концепции реформы Покровского. ⁶⁾

В те же годы, когда Академия наук СССР опубликовала вышеупомянутый двухтомный сборник критических статей, был издан учебник для студентов исторических факультетов вузов страны “История СССР” (т. 1-1939, т. 2-1940), который знаменует завершение критики Покровского, так как для преодоления ошибок школы Покровского недостаточно только критиковать их, необходимо дать конкретный образец изложения, работу, написанную на основе марксистско-ленинской методологии. Глава XXII второго тома этого учебника была посвящена вопросам реформы. Автором этой главы был Мороховец, поэтому за исключением деталей ее содержание не отличается от содержания написанного им же очерка.

Одним из основных недостатков Покровского в вопросах реформы явилось отсутствие освещения реформы в национальных районах. В глазах Покровского,

как и многих других историков того времени, история СССР была равнозначна истории Великороссии, следовательно крестьянская реформа в России для него означала только реформу, относящуюся к Местному Положению для великороссийских, новороссийских и белорусских губерний. Критика Покровского способствовала изучению реформы в национальных районах. Опубликованное А. В. Фадеевым за два года до выпуска очерка Мороховца, в 1935 г., монографическое исследование “Крестьянская “реформа” в Абхазии” было первой попыткой осветить этот вопрос. Появление монографии Фадеева и перевода очерка Мороховца на грузинский язык явилось стимулом для развертывания изучения вопросов по реформе в Грузии и Кавказе в целом, о чем свидетельствуют дальнейшие успехи в этой области⁷⁾.

Итак, основа изучения реформы в национальных районах была заложена в период от 1935 г. до начала Великой Отечественной войны. Тогда же начало развиваться изучение отношения революционных демократов к этой реформе. А. М. Панкратова и М. Н. Нечкина внесли вклад в изучение этого вопроса, показав позицию идеологов класса, враждебного землевладельцам, и окончательно похоронив либеральную версию расстановки классовых сил при подготовке реформы⁸⁾.

В этот период продолжалась публикация материалов по реформе. Так, в семи номерах “Красный архив” за 1935—1941 гг. были опубликованы материалы о крестьянском движении, о роли церкви в реформе. В 1941 г. в “Записках Отдела рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина” (выпуск 10) были опубликованы источниковедческие исследования, материалы которых хранятся в отделе рукописей библиотеки.

Быстрое развитие изучения реформы, имевшее место после 1934 г., было приостановлено началом Великой Отечественной войны, но после войны оно продолжалось.

Продолжалась и публикация различных материалов. В 1949 г. был издан сборник документов “Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права”. Он подготовлен к печати Мороховцом под общей редакцией Н. М. Дружинина. Этот сборник в основном состоит из донесений флигель-адъютантов и свитских генералов, которых направили в разные города всей страны при обнародовании Положений 19 февраля, а также из донесений губернских прокуроров, уездных стряпчих. Эти документы — ценный источник для изучения обстановки во время опубликования Положений 19 февраля и изучения крестьянского движения весной 1861 г. начавшегося в связи с реформой. В следующем году вышел в свет еще один сборник документов, необходимых для изучения реализации реформы, — “Отмена крепостного права” (под редакцией С. Н. Валка). Сборник состоит из докладов о ходе проведения реформы, которые представ-

Советская историография реформы 1861 года в России.

лялись императору еженедельно министром внутренних дел (сначала С.С. Ланским, потом П.А. Валуевым). В сборник входят доклады с марта 1861 г. по конец 1862 г. Несмотря на тенденциозность докладов министра, они являются ценным источником для изучения процесса составления уставных грамот и создания органов крестьянского общественного управления, и дают исследователям возможность составить себе представление о том, как шел подъем революционной ситуации, каков был постепенный спад крестьянского движения. Доклады министра внутренних дел представлялись до конца 1863 г., и вызывает сожаление то обстоятельство, что они не были включены в сборник.

С конца 40-х — начала 50-х годов, что приблизительно соответствует моменту опубликования этих двух сборников документов, резко увеличивалось количество статей по реформе, особенно локальных исследований и исследований крестьянского движения в масштабе губернии. Как утверждает Литвак, эти два сборника дали толчок оживлению изучения реформы, в большей степени способствовали появлению работ М. Е. Найденова и П. А. Зайончковского, которые рассмотрим дальше⁹⁾.

Прежде чем рассмотреть работы Найденова и Зайончковского, остановлюсь на работе П. И. Лященко, на его капитальном труде “История народного хозяйства СССР”, в двух главах первого тома которого он развернул свои взгляды на реформу.

Он изучает предпосылки реформы 1861 г. в главе “Общий кризис крепостного хозяйства в середине XIX в.” под двумя углами зрения: во-первых, как пала крепостническая “монополия” и “владельческое право” господствующего помещичьего класса, какие экономические и политические причины обусловили это, во-вторых, как понимать кризис феодализма и переход к капитализму на основе положения о смене общественной формации. В этой главе бросается в глаза то, что автор описывает характер экономики в отдельных районах России и особенности проявления кризиса в каждом районе, и то, что он указывает на связь производства пшеницы в южных губерниях (в Новороссии) с внешним рынком. В следующей главе “Отмена крепостного права и реформы 1861—1866 гг.” автор больше всего старается выяснить экономическую основу классовой борьбы вокруг реформы и непосредственные результаты проведения в жизнь Положений, но почти не затрагивает хода подготовки и реализации реформы. Однако он допустил ошибки в цифрах при объяснении Положений 19 февраля¹⁰⁾. Преимущество Лященко перед очерком Мороховца заключается в том, что Лященко более подробно объяснил последствия реформы: изменение наделов, в частности, данные об отрезках, данные о дарственниках, провел сравнение выкупной цены с рыночной ценой земель, остановился на ходе выкупной операции по 1906 г. и т. п. Но,

опираясь на очень неточные данные об отрезках, которые представляют собой обработку материалов дореволюционных исследователей, Лященко неправильно утверждает, что во многих нечерноземных губерниях крестьянское землепользование “не только не уменьшилось, но даже увеличилось”¹¹⁾.

Что касается взгляда Лященко на историческое значение реформы, то, во-первых, он подчеркивает, что для пореформенной экономики решающим было земельное устройство помещичьих крестьян и борьба за два пути капиталистического развития в деревне, которая развернулась во время реформы, не только продолжалась, но и еще более обострилась, ярко проявив себя в революции 1905—1907 гг., причем в разных районах наблюдалось преобладание того или иного типа аграрной эволюции. Во-вторых, Лященко указывает, что большая часть грабидной суммы выкупных платежей не была употреблена производительно в сельском хозяйстве, так как она пошла на уплату задолженности или была использована помещиками в непроизводительных целях, или направлялась в различные отрасли промышленности, исключаясь из сельского хозяйства. Итак, недостаток средств необходимых для ведения хозяйства в новых условиях выражался в сокращении помещичьих запасов. В-третьих, это указание Лященко на то, что в центре крестьянского движения стоит борьба за землю, борьба против крепостнических латифундий; наконец, его указание на то, что реформа 1861 г. вызвала необходимость буржуазных реформ государственного аппарата и общественной жизни, проведенных в 60—70-х годах¹²⁾.

Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что когда в начале второго тома Лященко пытается характеризовать особенность первоначального накопления и образования пролетариата, буржуазии в России, он, цитируя ленинское положение “помещичья “чистка земель” для капитализма”, говорит, что реформа 1861 г. является особой формой первоначального накопления и что одна из основных последствий реформы состоит в том, что она непосредственно создала значительный контингент пролетариата¹³⁾. На самом же деле важнейшая роль, которую сыграла реформа в образовании пролетариата, заключается в том, что она ускорила процесс разложения крестьянства, а не в непосредственной пролетаризации крестьян. Тот факт, что число фабрично-заводских рабочих уменьшилось, правда, очень незначительно, после 1861 г., и достигло предреформенного уровня лишь в 1865 г., как мне кажется, свидетельствует о переоценке Лященко роли реформы в данном вопросе¹⁴⁾.

Как уже указывалось, Лященко подчеркивал, что реформа 1861 г. создала экономические предпосылки революции 1905—1907 гг., в этом отношении он сделал шаг вперед по сравнению с Мороховцом, который говорил, что борьба крестьянства с помещиками, какая была в 1861 г., началась только с промышленного

Советская историография реформы 1861 года в России.

кризиса в начале XX в. Это положение Лященко говорит о возможности нового направления в изучении реформы. В самом деле, с начала 50-х годов внимание части исследователей стало направляться на вопросы осуществления реформы, хотя крестьянское движение продолжает привлекать к себе внимание большинства историков.

В такой обстановке изучения реформы была опубликована в 1955 г. работа М.И. Найденова «Классовая борьба в пореформенной деревне (1861–1863 гг.)». На эту тему Найденов в 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию. То, что крестьянское движение являлось одной из решающих причин, которые заставили помещиков приступить к реформе, признавалось Покровским и Рожковым. Мороховец, уточняя этот взгляд, продвинулся вперед и указал, что крестьянское движение во время подготовки реформы в значительной степени определило содержание Положений 19 февраля. Однако роль крестьянского движения во время реализации Положений долго не становилась предметом специального исследования. Работа Найденова является попыткой устранить этот пробел.

Найденов проанализировал выступления бывших помещичьих крестьян за двухлетний период после 19 февраля 1861 г., который был установлен самим правительством для проведения в жизнь Положений. Он наметил три этапа крестьянского движения в этот период. Первый этап, — который автор проанализировал в первой главе, начинается с момента обнародования Положений 19 февраля и кончается в мае 1861 г. Дав картину выступлений крестьян отдельно в каждом из шести крупных районов всей Европейской России, автор пришел к следующему выводу: на этом этапе центром борьбы были центральные черноземные губернии и Среднее Поволжье, а самой активной частью крестьянства — барщинные крестьяне. Крестьянское движение приобретало неизмеримо большой размах, требование крестьян заключалось в полном уничтожении помещичьей власти и земли, т. е. эта борьба означала продолжение антикрепостнической борьбы перед реформой. Идеологической оболочкой выступлений крестьян служила идея о подложности законодательных актов 19 февраля, которая родилась в силу наивной веры в доброту царя.

Второй этап, которому посвящена вторая глава книги, охватывает четыре месяца июнь—сентябрь 1861 г. Этот этап совпадает с началом деятельности мировых посредников и открытием крестьянских общественных управлений. Найденов пишет, что подъем крестьянского движения весной 1861 г. заставил правительство ускорить назначение мировых посредников и открытие сельских, волостных управлений, так как правительство не успело подавить крестьян с помощью карательных экспедиций. Открытие этих институтов наряду с жестокой репрессией властей оказало существенное влияние на борьбу крестьян, в крестьянском дви-

жении наступил период спада. Вместе с тем идея о подложности законодательных актов уступила место новой идее “слушный час”, и требование уничтожения феодальной эксплуатации заменилось требованием некоторого облегчения ее тяжести, а форма борьбы также приобрела пассивный характер, который выразился в отклонении от добровольных соглашений с помещиками, что тормозило ход проведения в жизнь реформы. Таков вывод Найденова о втором этапе крестьянского движения.

Третья глава посвящена третьему этапу, борьбе крестьян с октября 1861 г. до марта 1863 г. На этом этапе окрепло и привело к новому подъему сопротивление крестьян насильственному требованию помещиков согласиться с уставными грамотам и с их введением в действие. Волнение было повсеместным, его центром опять оказались центральные черноземные губернии и Среднее Поволжье. Но по сравнению с первым этапом этот период отличается большой раздробленностью крестьянских выступлений. Волнения были продиктованы не только простым ожиданием “слушного часа”, но и стремлением не допустить нового закрепощения посредством введения уставных грамот. Следовательно, на этом этапе идеологической оболочкой движения являлась идея “слушный час”.

Найденов в заключении следующим образом пишет об историческом значении крестьянского движения в этот период: во-первых, крестьянское движение сильно влияло на окончательное размежевание между либералами и революционными демократами как носителями противоположных тенденций общественного развития; во-вторых, “освободительная борьба… крестьян помешала правительству усилить крепостнические черты реформы… в ходе проведения ее в жизнь” и вместе с остальными факторами вынудила правительство ускорить подготовку других преобразований ¹⁵⁾; наконец, борьба крестьян в связи с реформой является одним из первых ударов крестьянской революции, совершавшейся на протяжении ряда десятилетий вплоть до Великой Октябрьской революции.

Зайончковский в рецензии на эту работу, подвергая критике критерий периодизации, говорит, что нет никаких оснований оправдать разделение периода июнь 1861—февраль 1863 г. на два этапа. Кроме того, важно отметить, что Зайончковский предложил пересмотреть хронологические рамки революционной ситуации и расширить его до 1863 г. включительно ¹⁶⁾.

Таким образом, по мере того, как исследователи реформы стали рассматривать изучаемые ими проблемы под тем углом зрения, что реформа 1861 г. породила 1905-й год, вопросы реализации Положений 19 февраля постепенно оказывались в центре их внимания. Показателем этой тенденции в изучении реформы является работа П. А. Зайончковского “Отмена крепостного права в России”, изданная в 1954 г. спустя 17 лет после опубликования очерка Мороховца.

Советская историография реформы 1861 года в России.

Зайончковский в этой работе осветил важнейшие вопросы реформы в масштабе всей страны, среди которых автор уделяет самое большое внимание вопросам реализации реформы. Автор утверждает, что реформа обусловила дальнейшее развитие капитализма, определила расстановку классовых сил, тем самым создала экономическую и политическую основу союза рабочего класса с крестьянством, для понимания чего прежде всего должно изучить реализацию Положений 19 февраля и ее результаты. С этой точки зрения в центре работы стоит четвертая глава “Реализация Положений 19 февраля”, которая занимает треть всего объема книги.

В первой главе, главе о предпосылках реформы, автор прежде всего останавливается на общем обзоре кризиса крепостнического строя, затем переходит к разъяснению экономического и правового положения помещичьих и государственных крестьян, состояния промышленности. В этих разделах приведено много статистических данных об обеспеченности крестьян землей, размере повинностей, процентном соотношении применения вольнонаемного труда по отдельным отраслям промышленности. Далее автор переходит к описанию крестьянского движения и объяснению позиции революционных демократов. Наконец, Зайончковский подробно описывает аграрные законы в первой половине XIX в., выясняя вопрос, какую цель преследуют эти законодательные акты, изменили ли они положение крепостных крестьян.

2-я глава — о ходе подготовки отмены крепостного права и классовой борьбе вокруг нее. 3-я глава — исчерпывающее объяснение содержания Положений. 4-я глава, как уже говорилось, главное в этой работе. Ее первая половина посвящается рассмотрению обстановки, в которой был обнародован Манифест 19 февраля, крестьянскому движению весной 1861 г. и деятельности революционных демократов, а также объяснению процесса составления и введения в действие уставных грамот и мер правительства, направленных на ускорение этого процесса и крестьянского движения в июне 1861 г.—феврале 1863 г. Затем автор затрагивает пересмотр реформы в западных губерниях в 1863 г. и его результаты. В начале второй половины главы описывается реформа о государственных и удельных крестьянах, их борьба в связи с реформой и ее результаты. Остальная часть посвящается вопросам выкупа и изложению результатов реформы. На основе дореволюционных статистических исследований Зайончковский показал земельное обеспечение бывших помещичьих крестьян и привел подробные данные о дарственниках. Здесь он, сравнивая доходность надела с величиной выкупных и других платежей, площадь помещичьей земельной собственности с площадью наделов, и противопоставляя им минимальную необходимую для прокорма домохозяина и его семьи площадь надела, подсчитанную

Янсоном, указывает на те факторы, которые обусловили нищенский уровень жизни в деревне. Затем он затрагивает вопросы, как использовалось крестьянами право отказа от надела, вступившее в действие с 1870 г., как проходило крестьянское движение после весны 1863 г., каким образом осуществлялись законы об обязательном выкупе и снижении выкупного платежа; эти акты завершили по существу, как полагает автор, реализацию Положений 19 февраля. Последняя, 5-я глава состоит в обзоре реформы на Кавказе, в Закавказье и Бессарабии.

Б. Г. Литвак, отмечая, что в этой работе “гораздо полнее и глубже изложена ленинская концепция реформы 19 февраля 1861 г.”, все же выразил свое неудовольствие тем, что хотя Зайончковский и поставил перед собой задачу выяснить вопрос о реализации, который автор считал самым важным среди многих других, “ему эту задачу решить полностью не удалось, так как, во-первых, его исследование этого вопроса касалось только внешней стороны, во-вторых, оно в основном написано на материале известных источников, в-третьих, кроме отдельных случаев автор не использует самый главный источник этого вопроса, устаную грамоту, и наконец, исследование опирается в основном на статистические источники, изданные в дореволюционный период”¹⁷⁾. Действительно, как сказал сам Зайончковский, основой исследования вопроса о реализации служат местные архивные материалы, в первую очередь уставные грамоты. Однако, прежде чем изучать первоисточники, в качестве первой ступени изучения необходимо критически усвоить достижения предыдущей историографии, тем более этот вопрос в то время был еще мало изучен, хотя и существовало несколько специальных исследований. Такую работу в первой ступени изучения Зайончковский выполнил в своем труде “Отмена крепостного права в России”. Литвак также критиковал Зайончковского за то, что в его работе было представлено мало новых материалов. Однако, для работы обобщающего характера вполне естественно, что она дает мало новых материалов, и упрекать за это, по-моему, не следует¹⁸⁾.

Среди исследований реформы особое место занимает работа А. А. Цаголова “Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права”. Цаголов подходит к интересующему нас вопросу с точки зрения теории политической экономии. По его мнению, еще не были подвергнуты необходимому теоретическому анализу кризис крепостничества и основные противоречия предреформенной экономики России, не получили глубокой разработки высказывания классиков марксизма-ленинизма о причинах падения крепостного права и об экономическом содержании реформы 1861 г., наконец, не был достаточно глубоко проанализирован главный объект борьбы экономических идей. Итак,

Советская историография реформы 1861 года в России.

Цаголов, ставя перед собой задачу устранить указанные пробелы, посвятил первую часть этой работы рассмотрению основных экономических проблем периода реформы и разработке основных позиций идеологов крестьянства, а вторую часть — разработке главных течений дворянской и буржуазной экономической мысли.

Рассмотрим взгляды Цагорова, ограничиваясь только вопросом основных экономических проблем. Прежде всего автор проанализировал кризис крепостного хозяйства. Среди выдвинутых им положений больше всего привлекают внимание следующие: во-первых, в помещичьем хозяйстве капиталистическая система возникает «наряду с крепостнической и под ней (крестьянский капитализм)»¹⁹⁾, а не вместо нее, ослабляя эту систему, создавая предпосылки ее уничтожения, но не уничтожая ее; во-вторых, следовательно, стихийное перерастание помещичьего хозяйства в капиталистическое не может осуществляться при сохранении крепостного права, так как у помещиков отсутствуют необходимые условия для ведения капиталистического хозяйства. Именно поэтому распространение после реформы отработочной системы не следует объяснять только косностью помещиков; в-третьих, вопрос об оброке. Цаголов, цитируя слова Чернышевского, что «оброк нисколько не составляет шага вперед к уменьшению произвольности в наложении обременительных повинностей», доказывает, что оброк не обозначает смягчения внеэкономического принуждения, т. е., оно не используется в процессе производства, а употребляется при получении помещиками прибавочной стоимости. Автор предупреждает об опасности отождествлять денежный оброк России с денежной рентой Запада и приходит к выводу: возрастание оброка обостряет противоречие между крепостническим земледелием и капиталистической промышленностью, а рост барщины обостряет противоречия внутри самого сельского хозяйства.

Во второй главе Цаголов рассматривает причины падения крепостного права. Он критикует утверждение, что реформа была осуществлена в силу того, что помещики осознали выгоду перехода крепостнической системы к капиталистической. Этот взгляд, пишет он, породили следующие два факта: во-первых, реформу осуществило помещичье правительство, во-вторых, реформа максимально обеспечила экономические интересы помещиков. На самом деле, эта аргументация, по мнению Цагорова, смешивает два различных вопроса: почему идеологи и руководители помещичьего класса шли на реформу, и как они защищали экономические интересы помещичьего класса в реформе? Цаголов замечает, что вывод многих авторов обобщающих работ о том, что сознание помещиками выгоды перехода к капиталистической системе хозяйства было причиной ликвидации крепостного права, полностью противоречит выводу авторов моно-

графических исследований. Сам Цаголов пришел к такому выводу: благодаря обострению крестьянского движения “класс помещиков шел на отмену крепостного права по политическим соображениям”²⁰⁾, так как острота кризиса крепостничества, охватившего все стороны этого отжившего строя, обусловила “и идеологический кризис внутри самого господствующего класса, часть представителей которого вынуждена была, боясь революции и борясь против нее, призвать свой класс к уступкам, к отмене крепостного права”²¹⁾. Следует здесь отметить, что Цаголов резко разграничивает помещичий класс в целом с его представителями и отдельных помещиков.

Третья глава посвящается экономическому содержанию реформы. Цаголов говорит, что “Положения 19 февраля были направлены на укрепление помещичьей монополии на землю”²²⁾, что отрезка и выкуп не что иное как экспроприация крестьянства, т. е. особый вид первоначального накопления. Далее он указывает, что хотя объявлена свобода труда, реформа сократила землевладение и землепользование, соответствующее условиям свободного труда, и, наоборот, сохранила и расширила формы землевладения и землепользования, соответствующие условиям принудительного труда²³⁾. Противоречие сельского хозяйства после реформы возникло из стремления помещиков предотвратить нарушение существующего хозяйственного строя в помещичьих имениях, для осуществления этого стремления они навязывали крестьянам обязательство пользоваться наделом за повинность, а также общину. Такова основная концепция Цагорова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) П.А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г., 1958, стр. 18.
- 2) П.А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России, 1954, стр. 87.
- 3) См. П.А. Зайончковский, Отмена крепостного права в России, стр. 129; статью Б.Г. Литвака “Советская историография реформы 19 февраля 1861 г.”, “История СССР” № 6 1960, стр. 106, примечание 37.
- 4) См. указ. статью Б.Г. Литвака, стр. 101, 110.
- 5) Против исторической концепции М. Н. Покровского, ч.1, 1939, стр. 387–426. В этом сборнике (стр. 337–386) помещена статья Н. М. Дружинина, дающая ценные замечания изучающим экономические предпосылки реформы, одно из которых мной использовано в второй главе этой статьи.
- 6) После критики школы Покровского Ц К БКП(б) его взгляды назывались антинаучными и антимарксистскими, и его имя вообще было вычеркнуто из науки, а после XXII съезда КПСС такое отношение к Покровскому подвергнуто критике самими советскими историками в связи с преодолением последствия культа личности Сталина. Однако это вовсе не означает, что ошибочная концепция Покровского восстанавливается, а вопрос заключается в том, чтобы определить то место, которое должно быть отведено Покровскому в истории советской

Советская историография реформы 1861 года в России.

- исторической науки. (Об этом см. статью М. Е. Найденова “М. Н. Покровский и его место в советской историографии”, “История СССР”, № 3 1962).
- 7) См. указ. статью Б. Г. Литвака, стр. 104.
 - 8) А. М. Панкратова. Чернышевский и крестьянская реформа 1861 года. “Н. Г. Чернышевский. Сборник статей к 50-летию со дня смерти великого революционера-демократа”, Саратов, 1939; М. В. Нечкина. Чернышевский в годы революционной ситуации. “Исторические записки”, т. 10, 1940. См. указ. статью В. Г. Литвака, стр. 103.
 - 9) См. указ. статью Б. Г. Литвака, стр. 119.
 - 10) Цифры, связанные с правилом об определении земельного надела и с выкупным платежом. См. П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, 3-е изд., 1952, т. 1, стр. 587, 592.
 - 11) Там же, стр. 589.
 - 12) См. указ. соч. Лященко, т. 1, стр. 598–601, 603, 604.
 - 13) См. указ. соч. Лященко, т. 2, стр. 12, 27–28.
 - 14) См. А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса в России, 1958, стр. 8–11.
 - 15) М. И. Найденов. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861–1863 гг.), 1955, стр. 324–325,
 - 16) См. “Вопросы истории” № 2 1956, стр. 152.
 - 17) См. Б. Г. Литвак, Указ. ст., стр. 115–116. из
 - 18) Эти недостатки, о которых отмечал Б. Г. Литвак, в основном устранены из страниц 2-го издания этой работы. Об этом см. следующую главу.
 - 19) А. А. Цаголов. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права, М. 1956, стр. 26.
 - 20) Там же, стр. 63. Подчеркнуто мной — Т. И.
 - 21) Там же, стр. 69.
 - 22) Там же, стр. 75.
 - 23) См. там же, стр. 82.

ГЛАВА IV. ИСТОРИОГРАФИЯ РЕФОРМЫ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Как уже указывалось, с конца 40-х и начала 50-х годов исследователи реформы стали обращать большое внимание на вопросы ее осуществления. Этому способствовал призыв В. К. Яцунского, который в 1948 г. предложил исследователям местной истории изучать уставные грамоты. В этой обстановке появилась работа Зайончковского, значение которой уже отмечено мной в предыдущей главе, и ряд диссертационных работ по реализации и результатам реформы. В 1958 г. Зайончковский опубликовал вторую работу по крестьянской реформе “Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.”. С выхода в свет этой работы, которую считает Б. Г. Литвак принципиально новым явлением, начинается новый этап изучения отмены крепостного права в России¹⁾.

Эта работа Зайончковского по реформе, как признает автор, является

продолжением и дальнейшим развитием его книги “Отмена крепостного права в России”. В ней автор рассматривает осуществление Положений 19 февраля как один из важных факторов, определяющих экономические предпосылки первой русской буржуазно-демократической революции 1905 — 1907 гг., тогда как в предыдущей работе он рассматривал этот вопрос как определивший расстановку классовых сил и создавший основы союза рабочего класса с крестьянством. Следовательно, автор уточнил свой угол зрения на этот вопрос. Ясно, что Зайончковский, упоминая о расстановке классовых сил и основах союза рабочего класса с крестьянством, имеет в виду революцию 1905 — 1907 гг. Следует одобрить такое расширение взгляда автора. Прежде чем рассматривать расстановку классовых сил и основы рабоче-крестьянского союза, надо конкретно выяснить их экономические корни, которые в свою очередь являются экономическими предпосылками революции 1905 — 1907 гг. Кроме того, раньше автор анализировал этот вопрос, главным образом, на основе дореволюционной литературы, а теперь исследование строится на базе анализа основного источника, уставных грамот и выкупных сделок.

В первой главе “Обнародование Положений 19 февраля и крестьянское движение весной 1861 г.” прежде всего бросается в глаза то, что автор пересмотрел свой взгляд на причину задержки обнародования Манифеста. В “Отмене крепостного права в России” он считал главной причиной то, что правительству пришлось ждать окончания печатания необходимых для обнародования экземпляров Манифеста и Положений, и критиковая Мороховца, который объяснил задержку тем, что правительство ждало окончания масленицы, которая обычно сопровождалась усиленным употреблением вина²⁾. В этой же книге Зайончковский согласился с Мороховцем и объяснил эту причину тем, что правительство стремилось обнародовать Манифест в наиболее благоприятный для себя период времени, с началом великого поста, когда верующие должны особенно тщательно выполнить нормы христианского поведения, в первую очередь повиновения властям³⁾. Однако, различие работы Зайончковского от Мороховца заключается в том, что Зайончковский подробно изучил архивные материалы и установил предохранительные военные меры правительства, направленные на возможные после обнародования Манифеста всенародного восстания, что позволило автору прийти к новому выводу.

Во второй главе “Составление уставных грамот” изложены ход создания института мировых посредников и крестьянских учреждений, ход составления уставных грамот и введения их в действие, разверстание угодий и крестьянское движение в этот период.

Третья глава “Уставные грамоты” с следующей, четвертой, главой “Выкуп

Советская историография реформы 1861 года в России.

ные сделки” являются основными в этой работе и занимают не менее половины всей книги. В третьей главе после объяснения статей Положений, определявших содержание уставных грамот, автор, разделяя Европейскую Россию по ленинскому принципу районирования на три района: центральные нечерноземные губернии, центральные черноземные губернии и губернии земледельческих окраин, анализирует уставные грамоты каждого района. Здесь был сделан анализ 7244 уставных грамот 31 различных уездов, относящихся к 17 губерниям (из них сам автор лично проанализировал 2457 грамот 16 уездов из 11 губерний). В конце этой главы рассматриваются данные о дарственниках в масштабе всей России. В этой главе необходимо обратить внимание на вопрос, при каких условиях происходила наибольшая отрезка крестьянской земли. На этот вопрос автор отвечает в разных местах книги, например на страницах 137—139. Его вывод резюмируется в “Заключении”: “Реформу 1861 г., являвшуюся величайшим актом ограбления крестьян, нельзя рассматривать изолированно от предшествующего процесса обезземеливания их, протекавшего весьма интенсивно на протяжении первой половины XIX в.. Крестьянские земли были отрезаны главным образом там, где процесс обезземеливания крестьян до реформы протекало медленно”.⁴⁾ Что касается взаимоотношения между отрезкой и формой эксплуатации предреформенного времени, то автор, исходя из двух совершенно противоположных выводов — вывода Б. Г. Литвака в исследовании Московской губернии и вывода В. Г. Зиминой в исследовании Владимирской губернии —, говорит: “Форма эксплуатации не оказывала решающего влияния на величину отрезаемых земель”⁵⁾.

Б. Г. Литвак не согласен с этими двумя выводами Зайончковского. Он говорит, что у Зайончковского объяснение отрезков формально-юридическое, что законодательные акты дают только условия и возможность отрезки, но сами не являются ее причиной. По мнению Литвака, “причины отрезков следует искать прежде всего во всем укладе хозяйства помещика и его планах дальнейшего ведения хозяйства в момент составления уставных грамот”⁶⁾. Это замечание Литвака правильно. Однако, как указывал Зайончковский, если до реформы шло интенсивное обезземеливание, то во время реализации реформы уменьшается возможность отрезки; интенсивное обезземеливание до реформы служит одним из факторов, определяющих план ведения хозяйства во время составления уставных грамот. Следовательно, искать причину отрезки в процессе обезземеливания до реформы не значит искать ее “вне реформы”. Ошибка Зайончковского заключается в том, что он прямо связывает обезземеливание предреформенного периода с отрезкой, совсем игнорируя другие условия. Основную и ведущую причину отрезки или прирезки, как утверждает

Литвак, нужно искать в экономических интересах каждого помещика в отдельности и класса помещиков в целом ⁷⁾.

Что касается второго вопроса, оказывала ли форма эксплуатации влияние на величину отрезываемых земель, то вывод Литвака мне кажется более убедительным. Литвак прежде всего указывает на ошибку Зайончковского, который смешал “два понятия : уезд с преобладанием того или иного вида повинностей и имение, где крестьяне отбывали определенный вид повинностей” ⁸⁾. На самом деле, как видим в цитате Зайончковского, Зимина наблюдает наибольший процент отрезки в тех уездах, где преобладала барщинная или смешанная форма эксплуатации, а Литвак—в оброчных имениях. Литвак видит причину расхождения своего вывода от вывода Зайончковского в методике обработки первичных данных уставных грамот и, критикуя Зайончковского, говорит, что примененная Зайончковским поуездная группировка уставных грамот и выделение средних в пределах уезда не только нивелируют условия выхода крестьян из крепостной зависимости, но и не дают возможности нащупать взаимоотношения между размером и характером отрезков, с одной стороны, и характером дореформенного ведения хозяйства помещиками и формами эксплуатации крестьян, с другой. Он настаивает на своем выводе, к которому пришел в результате анализа 2045 уставных грамот Московской губернии ⁹⁾. Он утверждает, что есть определенная взаимозависимость размера отрезков от форм эксплуатации крестьян : у оброчных крестьян наибольший процент отрезки, у барщинных отрезка самая минимальная, а наибольший процент прирезки наблюдается у барщинных крестьян. Литвак объясняет эту “закономерность” следующим образом : “Помещики, строившие свое хозяйство на барщинном труде крестьян, старались как можно дольше сохранить привычные формы эксплуатации. Но для того, чтобы крестьяне и впредь могли отбывать барщину, за ними должны были быть сохранены хотя бы минимальные условия, позволявшие вести собственное хозяйство ... Именно этим объясняется и тот факт, что и прирезка чаще всего встречается по барщинной группе имений.

Хозяйство оброчных крестьян помещика интересовало только в дореформенное время, так как оно должно было гарантировать ему получение оброка. В момент же реформы помещиков вовсе не интересовало, из каких средств оброчным крестьянином будет выплачен оброк, так как с выходом крестьян из крепостной зависимости государство гарантировало помещику получение оброка” ¹⁰⁾.

Методика обработки первичных данных, которую предложил Литвак, мне представляется более целесообразной для выявления конкретных условий выхода крестьян из крепостного состояния, чем методика Зайончковского, и “за-

Советская историография реформы 1861 года в России.

кономерность”, найденная Литваком, вполне убедительная. Однако, можно ли распространить эту “закономерность” во всю страну, это другое дело. Лучше не спешить сделать вывод из анализа сравнительно малого количества уставных грамот, так как, во-первых, отрезка, кроме формы эксплуатации, связывается с размером и разными условиями хозяйства ¹¹⁾, во-вторых, вывод из анализа уставных грамот одной или двух губерний, и даже 9–10% всех грамот, подвергнутых анализу Зайончковским, еще не дает достаточного основания быть общим для всей страны.

4-я глава “Выкупные сделки” начинается с объяснения Положения о выкупе, затем описывается ход выкупной операции и меры ускорения составления выкупных сделок. Далее рассматривается содержание выкупных сделок отдельно в разных уездах на основе анализа сделок (автором проанализировано 2896 сделок, а его учениками — 759, всего 3655 сделок из 20 уездов, относящихся к 13 губерниям). Автор также затрагивает выкуп, проводившийся без содействия правительства, приводя при этом пример из Самарской губернии. В конце главы автор изложил основные черты хода выкупной операции.

В пятой, последней главе “Реформы 1863 г. в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине” подробно описывается реформа, предпринятая правительством для помещичьих крестьян в связи с восстанием в Польше. Реформе 1863 г. было уделено сравнительно мало внимания в его первой работе “Отмена крепостного права в России”, а здесь рассматривается причина реформы, ход ее подготовки, содержание законодательных актов и их реализация сначала в Литве и Белоруссии, затем на Правобережной Украине. Исследование в этих губерниях основывается на работе Д. Т. Рихтера “Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго-и северо-западных губерниях России” (1900 г.), а также на обработке 300 выкупных актов, взятых выборочно.

Эта работа, оговаривает автор, касается лишь вопросов, относящихся к периоду 1861—1870 гг., следовательно опущены такие важные вопросы реформы, как получившая по прошествии 9-летнего срока некоторые новые черты реализация реформы в 70-е годы, революционные события конца 70-х—начала 80-х годов, заставившие правительство пойти наряд изменений Положений 1861 г., т. е. на переход к обязательному выкупу и снижению выкупного платежа. Все эти вопросы изложены в отдельной главе второго, переработанного, издания “Отмены крепостного права в России” ¹²⁾.

Кроме того, недостаточно изучены вопросы изменения повинностей и отбывания повинностей временно-обязанными крестьянами.

Зайончковский в этой работе впервые пытается изучить реализацию реформы

в масштабе всей России, причем он делает это на основе анализа первоисточников, уставных грамот и выкупных сделок, в чем заключается его заслуга. Правда, как указывает сам автор, изучение взятых им уставных грамот все же недостаточно для каких-либо общих выводов, однако эта работа и может послужить исходным моментом для дальнейших исследований в масштабе либо губернии, либо того или иного экономического района ¹³⁾.

Развитие изучения реформы не могло не отразиться на учебниках истории СССР. Новое издание второго тома “История СССР” вышло в свет в 1959 г. На основе выводов дискуссии о периодизации истории СССР, проведенной в 1949—1951 гг., второй том нового учебника начинается с главы “Революционная ситуация 1859—1861 гг. Отмена крепостного права. Революционное движение 60-х годов”, т. е. с начала капиталистической формации. Вообще говоря, в этой главе характерно то, что уточнено изложение революционной ситуации. В первом разделе главы прибавился новый параграф “Кризис верхов”; описание крестьянского движения против винных откупов, которое раньше давалось в разделе предпосылок реформы, перенесено во второй раздел, относящийся к подготовке реформы, тем самым читателю становится ясней роль крестьянского движения, оказавшего влияние на ход подготовки реформы. Затем, в разделе “Высший подъем революционной ситуации” впервые говорится об освободительном движении в Финляндии, причем к этому параграфу присоединено описание национального движения в Польше, которое раньше излагалось одновременно с польским восстанием 1863 г., а также появился новый параграф “Оппозиция “верхов” и политика правительства”. Таким образом, в этом учебнике рельефно показано то, что отмена крепостного права является побочным продуктом революционного движения народа.

Следует остановиться на новом учебном пособии “История народного хозяйства СССР. Курс лекций”, изданном под редакцией проф. Ф. Я. Полянского и других в 1960 г. 12-я лекция этого курса относится к реформе 1861 г. (автор этой главы — доцент А. И. Коняев). Преимущество изложения реформы в этом учебнике заключается в том, что здесь подробно рассматриваются экономические результаты реформы, не только вопросы обеспечения крестьян землей, выкупных платежей, но и вопрос разверстания угодий, вопрос связи между реализацией реформы и задолженностью помещиков. В других учебных пособиях последние два вопроса не затрагиваются.

Что касается вопросов подготовки реформы, то автор главы, опираясь на исследование академика Н. М. Дружинина о реформе Киселева, выдвинул новый взгляд, который заключается в том, что основные принципы реформы были выработаны не в течение тех трех лет, которые заняла подготовка реформы,

Советская историография реформы 1861 года в России.

что концепция, положенная в основу Положений 19 февраля, была выработана постепенно — в течение 1826 — 1857 гг. и нашла свое выражение в ряде законодательных актов, что крупнейшие представители царской бюрократии усматривали лучший образец реформы в постепенных правительственных реформах, проведенных в Пруссии и в Австрии до революции 1848 г. Поэтому автор начал изложение подготовки реформы с объяснения аграрных законов Николая I ¹⁴⁾. Правда, Зайончковский тоже подробно описал аграрные законы Николая I как одну из предпосылок реформы ¹⁵⁾. Но точка зрения Зайончковского, как уже нам известно, совсем другая. Вопрос, который поставил Дружинин, является новой точкой зрения в изучении реформы.

Что касается публикации материалов по реформе, то в 1961 г. опубликован дневник министра внутренних дел П. А. Валуева в двух томах под редакцией П. А. Зайончковского, первый из двух относится к записям в 1861—1864 гг. в изданных в 1962—1964 гг. трех выпусках сборника документов “Крестьянское движение в России” (“1850—1856 гг.”, “1857—1861 гг.” и “1861 — 1869 гг.”), имеются ценные сведения по крестьянскому движению перед и после реформы.

В заключение я хочу, опираясь на статьи П. А. Зайончковского и Б. Г. Литвака о советской историографии реформы 1861 года ¹⁶⁾, кратко остановиться на общем обзоре положения и направления изучения в настоящее время.

Во-первых, надо отметить, что Литвак утверждает, что история реформы во многих национальных районах бывшей Российской империи практически уже разработана ¹⁷⁾. Однако, мне кажется, Литвак упустил из виду реформу в прибалтийском районе (в Эстляндии, Лифляндии и Курляндии). В этом районе реформа была проведена впервые в 1816—1819 гг., потом в исправление первого закона в 1845—1868 гг. было издано несколько новых законов, причем некоторые из них были опубликованы в связи с реформой 1861 г. Кроме того, в связи с этим можно поставить вопрос, использовался ли опыт проведения реформы в этом районе для подготовки реформы 1861 г. Следовательно, нельзя игнорировать реформу в этом районе при попытке воссоздать точную картину реформы в масштабе всей России.

Во-вторых, Литвак, говоря об изучении крестьянского движения в период реформы, замечает, что материал фондов центральных карательных учреждений царизма фактически исчерпан, и, следовательно, чтобы углубить изучение этого вопроса, надо обращать внимание на местные архивы. Сейчас задача специалистов по этому вопросу, пишет Литвак, заключается в том, чтобы получить сводные статистические данные крестьянского движения в масштабе всей страны по единой программе. Эта трудоемкая работа уже началась группой по

изучению революционной ситуации Института истории АН СССР под руководством академика М. В. Нечкиной с участием Архивного управления РСФСР¹⁸⁾.

В-третьих, что касается изучения реформы в Российской Федерации, то кроме работы Зайончковского еще нет обобщающего труда, но уже накопилось довольно много исследований в масштабе губернии или нескольких уездов. Но все же “здесь еще очень много работы для исследования не только “глубь” темы, но и “вширь””¹⁹⁾. В центре изучения, как уже говорилось, стоит вопрос о реализации реформы, в первую очередь систематическая обработка громадного количества уставных грамот. Публикация уставных грамот подготавливается Комиссией по истории крестьянства Института истории АН СССР под общим руководством В. К. Яцунского.

Наконец о методике обработки первичных данных. В советской литературе уже наметились три принципа группировки (по волостям, по вотчине и по экономической мощи помещиков в рамках уездах). Но для систематической обработки большого количества уставных грамот прежде всего требуется единая методика группировки, иначе исследователи не смогут свести итоговые данные по разным губерниям в общероссийском масштабе. По этому поводу Литвак подробно пишет о своих соображениях в статье “О спорных вопросах” и предложил следующий принцип: уставные грамоты делаются по волостям и в пределах волости объединяются по количеству крепостных душ (свыше ста — крупнопоместные, до ста — среднепоместные и до 21 — мелкопоместные) и по форме эксплуатации крестьян (оброчные, смешанные и барщинные)²⁰⁾. На мой взгляд такой принцип группировки, как утверждает Литвак, позволяет “глубже вскрыть влияние на размеры наделов не только экономической мощи помещичьего хозяйства, но и форм эксплуатации крестьян”²¹⁾.

Проблемами изучения, связанного с анализом уставных грамот, по мнению Литвака, являются следующие: 1) исследование местных особенностей условий выхода крестьян из крепостной зависимости и процессов, проходивших в деревне за весь временно-обязанный период; 2) исследование конкретных причин изменения в крестьянском землепользовании; 3) получение сводных данных об изменении формы и размера повинностей; 4) что касается вопросов, связанных с подготовкой реформы, сравнить проекты определенного помещика или губернского комитета с соответствующими им уставными грамотами, тем самым получить истинные картины удовлетворения интересов как класса, так и отдельных помещиков; 5) исследование отношения выкупа с задолженностью помещиков, т. е., определить истинный размер долга помещиков казне и выяснить конкретные условия выкупа. Кроме этих проблем, Зайончковский отмечает важность

Советская историография реформы 1861 года в России.

изучения проблемы, связанной с дащенными наделами.

Следует сказать, что вопросы о выкупе еще мало разработаны. В 1959 г. статистик Н. Малов написал статью, чтобы точно подсчитать размер выкупных платежей, но она основывается исключительно на статистических материалах²²⁾. Изучение выкупа должно быть основано на анализе выкупных сделок. Если составление уставных грамот обозначает начало реализации реформы 1861 г., то выкупная операция обозначает завершение этого процесса. В этом отношении, мне кажется, разработка выкупных сделок имеет не менее важное значение для изучения вопросов о реализации, чем анализ уставных грамот, поэтому внимание исследователей реформы должно обращаться и на вопросы о выкупе, о которых так мало упоминает Литвак²³⁾.

Окончательная задача, считает Литвак, заключается в создании капитального обобщающего труда о реформе, которое может быть осуществлено в ближайшем будущем после успешного выполнения вышеуказанных задач.

Уместно, по-моему, здесь сказать, что Маркс и Энгельс часто сравнивали реформу 1861 г. с революциями и реформами в Западе, а Н. М. Дружинин прямо указал, что представители царской бюрократии усматривали лучший образец в реформах Пруссии и Австрии до революции 1848 г.²⁴⁾

Если учесть вместе с этим, что в Советском Союзе работает самая подходящая для изучения этого вопроса научная организация “Межреспубликанский симпозиум по аграрной истории Восточной Европы”, возникает пожелание, чтобы советские историки занялись сравнительным исследованием реформы 1861 г. и аграрных реформ во всей Европе, в частности в Восточной Европе. Мне кажется, это исследование является также одной из важных задач, стоящих перед исследователями реформы 1861 г. в России.

*

*

*

На вопрос о том, когда в Японии началось изучение крестьянской реформы 1861 г., сами японские исследователи истории СССР отвечают по-разному, но во всяком случае можно сказать, что историки-специалисты, знающие русский язык, стали изучать историю СССР только со второй половины 30-х годов. Изучение истории СССР стало развиваться после окончания второй мировой войны, когда был отменен закон об “охране общественного спокойствия” (тиан идзихо). Что касается изучения японцами реформы 1861 г. в России, наши историки до 1945 г. почти не интересовались этим вопросом. Однако, это не означает, что крестьянская реформа в России совсем не привлекала к себе внимания японцев, а наоборот, многие экономисты, журналисты, публи-

цисты и деятели социалистического движения, сравнивая реформу 1861 г. в России с Мэйдзи-исин в Японии (Мэйдзи-реставрация, или революция Мэйдзи в 1868 г.), более или менее затрагивали этого вопроса в своих книгах, хотя они не посвящали свои книги специально этому вопросу.²⁵⁾ Сильный интерес к этому вопросу японские историки начали проявлять после капитуляции японского милитаризма. Поэтому в этой статье я ограничиваюсь дать обзор изучения данного вопроса только в послевоенный период.

Как известно, после капитуляции Японской империи волны демократического движения прокатились во всей стране. В стороне от этого водоворота не могли стоять и ученые. Они внимательно следили за проведенными по приказам оккупационных властей реформами и активно высказывали свои мнения по политическим вопросам. Особенно аграрная реформа вызвала горячую дискуссию среди ученых, которые спорили о ее сущности, о дальнейшей судьбе землевладения и т. д. Специалисты по истории народного хозяйства, которые изучают свои предметы сравнительным методом, предложили изучать аграрную реформу в Японии не отдельно взятую, а изучать ее во всемирно-историческом процессе. Таким образом в 1947 г. Общество общественно-экономической истории (Сякай-кэйдзаиси гакукай) избрал вопрос "освобождения крестьянства в историческом освещении" как общую тему докладов для первого в послевоенный период годового съезда общества. В этом съезде Т. Масуда (профессор Университета Васэда) сделал доклад "Освобождение личности крепостных крестьян в России в 1861 г."²⁶⁾

Между тем, как историки-экономисты стали уделять внимание реформе 1861 г. в России, специалисты по новой истории стран Запада начали интенсивно изучать буржуазные революции, в частности английскую и французскую. Это объясняется тем, что они заинтересованы были тем вопросом, который с начала 30-х годов стал важнейшим предметом изучения для прогрессивных историков, т. е. вопросом, как понимать сущность Мэйдзи-исин. Эти историки постепенно обращали внимание и на процесс перехода феодализма к капитализму в странах Восточной Европы, особенно в Германии и России, как предмет сравнения. Таким образом, исследователи разных специальностей ожидали появление работ специалистов по истории СССР по реформе 1861 г. и революции 1905—1907 гг.

В такой обстановке число специалистов по истории СССР увеличивалось. Но из-за трудности достать необходимые для изучения первоисточников и литературы, с одной стороны, и из-за непонимания задачи, поставленной перед ними научной общественностью и самой действительностью жизни в Японии, с другой, они не взялись за изучение реформы 1861 г., вышеуказанное

Советская историография реформы 1861 года в России.

ожидание так и не оправдалась.

В 1953 г. была издана “Экономическая история России” К. Иида (профессор университета Хосэи). В этой книге автор, поставив себе целью выяснение предпосылок революции 1905—1907 гг. выбрал три темы: “генезис и развитие капитализма в России”, “освобождение крепостных крестьян в 1861 г.” и “аграрный вопрос в конце XIX века как результат 1861 г.”, и старался проследить экономическое развитие страны и рост революционных классов²⁷). Его оценка реформы похожа на оценку советскими историками. Но и есть различие от советских историков, которое заключается в том, что Иида подчеркивает феодальный характер реформы. “Реформа была крайне непоследовательна, — пишет Иида, — феодальное землевладение было подтверждено реформой в неизменном виде. На этой основе силы феодальных помещиков остались крепкими. Но они переорганизовали свою экономическую базу, чтобы приспособиться к……развитию капитализма, т. е. они экспроприировали у крестьян землю во время реформы”²⁸). Таким образом Иида совсем не оценивает роли реформы как переломный момент для развития капитализма, а также понимает, что реформа являлась продуктом ожесточенной борьбы крестьянского и помещичьего классов за тот или другой из двух путей развития капитализма в сельском хозяйстве, и что реформа была подготовлена и проведена в революционной ситуации²⁹). Выводы Иида о реформе 1861 г., на мой взгляд, является в некоторой степени отражением той концепции на Мэйдзи-исин историков-марксистов так называемой школы “Козаха”, которые подчеркивают феодальные стороны Мэйдзи-исин и считают его не буржуазной революцией, а переходом власти внутри феодального класса и установлением абсолютизма.

Спустя два года, в 1955 г. под редакцией Т. Ивама (профессор Токийского женского университета) была издана книга “Очерки русской истории”. В этой книге первый параграф шестой главы посвящен отмене крепостного права (автор главы — С. Курамоти, доцент государственного университета Синсю). Взгляды Курамоти на реформу почти одни и те же, что у Иида. О результате реформы Курамоти пишет: “Реформа проведена была помещичьим классом сверху как компромиссная реформа, и крепостничество фактически продолжало существовать до XX века, хотя оно видоизменилось”. То, чего Иида не затрагивал в своей книге (например, реформы других категорий крестьян, политическая обстановка после обнародования Положений), Курамоти тоже игнорировал. Но в отличие от Иида Курамоти говорит: “несмотря на то, что реформа была не последовательна, она, освободив личность крестьян, послужила переломным моментом модернизации России”³⁰). Понятно, что Курамоти с таким пониманием реформы 1861 г. не мог понять настоящего значения других реформ

60-70-х годов и их связи с крестьянской реформой³¹⁾.

В мае 1956 г. состоялся седьмой съезд Общества истории стран Запада в Японии (Нихон сэиёси гакукай). В этом съезде общей темой докладов в отделении новой истории была буржуазная революция, и каждая секция отделения, секции истории Англии, Франции, США, Германии и России, слушала свои доклады по этой проблеме. Нужно отметить, что на пленарном заседании специалисты по французской и японской истории выступали следующим образом: “характерным для отсталых стран, как Германия и Россия, является то, что там буржуазная реформа предшествовала буржуазной революции...Такая реформа в отсталых странах, на наш взгляд, соответственна буржуазной революции в странах Западной Европы”; “Если разрешается аналогия, то Мэйдзи-исин, центральной осью которого являлась аграрная реформа, по нашему мнению, сравним с крестьянской реформой 1861 г. в России и реформой Штейна и Гарденберга в Германии”³²⁾. А в секции истории России ни один из трех докладчиков не затрагивали этого вопроса, и ответ со стороны русской истории, мне кажется, был неудовлетворительным для историков, задавших вопрос на пленарном заседании³³⁾. Это объясняется отчасти тем, что в Японии история СССР изучалась еще очень слабо, а вернее тем, что у наших исследователей истории СССР, в том числе и я (тогда я был одним из докладчиков), не было такой точки зрения. Иначе говоря, это был результат того, что “у нас среди историков по истории СССР сильно господствовал так называемый переводческий прием, с которым историки принимали достижения советских историков без критики и представляли их японским читателям и считали, что такая работа является исследованием, и были довольны только такой работой”³⁴⁾. Можно сказать, что та привычка размышления, которая сложилась во время культа личности Сталина, отразилась на изучении истории.

В октябре того же года вышла в свет книга С. Торияма (профессор государственного университета Хоккайдо) “Очерки русской истории”. В этой книге реформа 1861 г. излагается в тесной связи с классовой борьбой, и особенно о политическом и социальном положении России после опубликования Манифеста 19 февраля, о поправке Положений, проведенной правительством в пользу крестьян в западных губерниях в связи с восстанием 1863 г. в Польше и о других реформах 60—70-х годов написано довольно подробно и рельефно. Автор также затрагивает и реформы государственных и удельных крестьян. На мой взгляд, в этом заключается главное преимущество этой книги над работами Иида и Курамоти. Еще нужно отметить, что хотя Торияма не формулирует своего мнения о сущности реформы, он, очевидно, больше придает значение буржуазной стороне реформы³⁵⁾.

Советская историография реформы 1861 года в России.

В 1958-1959 годах вышли две монографии по отмене крепостного права — работа Т. Масуда (профессор университета Васеда) “Процесс модернизации русской деревни” и книга С. Абэ (профессор Токийского государственного сельскохозяйственно-технологического института) “Русские крестьяне и царизм”. Книга Масуда — сборник его статей, а книга Абэ — научно-популярный очерк. Однако основное различие не в этой внешней стороне.

Книга Т. Масуда состоит из 15 статей, опубликованных им в журналах с 1944 г. по 1957 г., которые расположены в трех разделах: предыстория реформы (12—15-я статьи), содержания и реализация Положений 19 февраля (1—6-я статьи) и результаты реформы (7—11я статьи)³⁶). В разделе предыстории автор не затрагивает прямо вопросов о причине или предпосылках реформы, а подробно описывает общие черты положения крепостных крестьян и помещиков в разных областях, но только в 14-й статье автор излагает и ход реализации реформы. Главными вопросами, рассмотренными в первом разделе, являются содержания Положений 19 февраля, а подготовка реформы почти не привлекает внимания автора. За то Масуда внимательно следит за судьбой общины. Кроме того, он тщательно рассматривает правила о наделе и выкупе и анализирует сведения о изменении наделов и выкупных платежах. Во втором разделе автор сначала анализирует вопрос о обеспеченности крестьян землей, а потом рассматривает вопросы, которые представляют собой выхода от нужды в землях, т. е. вопросы о аренде, о покупке земель, о переселении и отхожем промысле (в 10-й статье). В последней статье этого раздела автор делает обзор пореформенного положения помещиков.

В общем говоря, Т. Масуда ограничивается изучать только вопросы, касающихся помещичьих крестьян. Во-вторых, он изучает главным образом правовые и административные стороны реформы, например, землеустройство, обязанности крестьян и права помещиков, институт крестьянского самоуправления, и т. п., а также статистические материалы. В-третьих, хотя автор дает статистические данные о повинностях, наделах и т. д., а не дает конкретной картины крестьянского хозяйства и не делает анализа помещичьего хозяйства на основе материалов отдельных помещиков. В-четвертых, в статьях почти не написано, как крестьяне относились к реформе и как они реагировали на опубликование и проведение Положений. Наконец, источниковедческая база статей очень ограниченная, хотя автор пользовался всей литературой, западноевропейской, русской и частично советской, которую он мог читать в то время в Японии. Литература, на которую Масуда ссылается, почти без исключения старая, правда, не все устарелые. Например, из литературы на русском языке автор больше всего опирается на шеститомнике “Великая реформа” и монографии И. И. Иг-

натовича “Помещичьи крестьяне накануне освобождения”. Из-за этого в книге не отражаются достижения советских историков, которые опубликовали много работ, в том числе и сборники документов, с конца 40-х годов. Это объясняется тем, что 10 статей из 14 написано до 1952 г. и что тогда было еще нелегко достать новые советские книги, тем более литературу старого издания.

Заслуга Т. Масуда заключается в том, что он дал японским историкам подробные сведения о реформе. Но с другой стороны, автор слишком увлекался отдельными вопросами и почти не говорил о реформе в целом, кроме короткого замечания о результатах реформы, написанного в предисловии, поэтому нам не ясно, какая у автора собственная оценка реформы. В этом-то главный недостаток этого позитивистического труда Т. Масуда³⁷⁾.

В книге С. Абэ “Русские крестьяне и царизм” вторая глава посвящена реформе 1861 г., которая занимает центральное место (глава занимает половину всех страниц). Автор рассматривает весь процесс реформы, разделяя его на предпосылки, подготовку и содержания Положений и результаты. Но из поля зрения выпадает реализация Положений, и около половины главы занимает изложение о предпосылках и причинах реформы, причем оно очень схематично. Здесь исторические материалы, мне кажется, служат только иллюстрацией. Во-вторых, автор считает подъем крестьянского движения главной причиной реформы и говорит, что реформа является побочным продуктом борьбы крестьян и что после Крымской войны верху стало не под силу удержать старую систему управления, но он почти не пишет о крестьянском движении после обнародования Манифеста³⁸⁾.

В параграфе о подготовке и содержаниях Положений автор впервые в Японии ознакомил реформу в Закавказье с читателями. В параграфе о результатах автор подчеркивает пережитки крепостничества в землевладении, а вместе с тем отмечает, что формирование трудовых резервов “является самым большим достижением освобождения крестьян”³⁹⁾. Далее автор говорит, что реформа является “буржуазной реформой, хотя она была половинчатой, и стала эпохальным, переломным моментом от феодального общества к буржуазному”⁴⁰⁾. От вышеизложенного видно, что оценка С. Абэ реформы очень похожа на оценку С. Курамоти, а подход С. Абэ к вопросам и структура главы очень близка к К. Иида⁴¹⁾. Следовательно С. Абэ идет по линии Иида-Курамоти, а Т. Масуда стоит, так сказать, особняком в японской историографии реформы 1861 г.

Между тем новая тенденция изучения реформы зарождалась в Обществе исследователей по истории СССР (Росияси кэнкюкай), которое было создано еще в 1956 г. Она четко обнаружилась в 1961 г., через два года после появле-

Советская историография реформы 1861 года в России

ния книги Абэ. Сущность этой тенденции заключается в критике тех взглядов на реформу, которые настаивают Иида, Курамоти, Абэ и большинство японских историков по истории СССР, а также советские историки. Они говорят : несмотря на то, что после реформы крепко сохранились пережитки крепостного права, капитализм довольно быстро развивался. В этом положении две противоречивые вещи соединены в одно только словом “несмотря”, которое не показывает никакой внутренней связи между ними. Вот почему члены Общества, исследователи из молодого поколения критиковали эти взгляды. Такая точка зрения сложилась в ходе обсуждения предварительного варианта доклада, “Социальная структура России в новое время”, который будет представлен Обществом исследователей по истории СССР на съезде Общества изучения истории. М. Кикиути (научный сотрудник исследовательского отдела Государственной парламентской библиотеки), который активно участвовал в обсуждении доклада, утверждает, что нужно понять Россию после 1861 г. как общественно-экономическую формацию и “воспринять в единстве две вещи — капитализм и феодальные пережитки — вместе в целом”, и говорит следующим образом : этот период является переходным, поэтому “ничего не было, которое не носит феодального характера, а с другой стороны, также не было ничего, которое не содержит в себе капиталистического элемента”⁴³). Х. Вада (ассистент научно-исследовательского института при Токийском государственном университете), автор доклада возражает Кикиути на понятие “формации в переходный период”, а соглашается с ним на то, что отношения между дикой деревней и передовым капитализмом объединились в одно. Вада говорит, что реформа была проведена предприимчивыми чиновниками, которые стремились преодолеть крах крепостного государственного строя путем реорганизации социальной структуры. Политика, проведенная ими, “была несоответственна интересам буржуазии, а соответственна развитию капитализма, реформа 1861 г. была реформой для выращивания капитализма”. “С классовой точки зрения она была политикой для создания промышленных капиталистов”, но “поскольку ее проводила старая власть, все старые отношения были использованы властью за счет крестьянства”⁴⁴).

С такой же точки зрения С. Хината (доцент Государственного университета Ибараги) подходил к вопросу отработки. Он рассмотрел материалы, которые В.И. Ленин в труде “Развитие капитализма в России”, и пришел к выводу : в центральном земледельческом районе число середняков, составляющих ядро отработочной системы, постепенно увеличивались, а не обнаружилась та тенденция уменьшения середняков, которую замечал Ленин. Хината утверждает, что отработочная система получала энергию от капитализма России и стала нераз-

делимым и необходимым звеном капиталистического воспроизводства, и определяет отработку не полуфеодальной рентой, а чисто русским вариантом капиталистической ренты⁴⁵⁾.

Таким образом “переводческий” период изучения истории СССР уходит и наступает новый этап японской историографии истории СССР, в частности изучения реформы 1861⁴⁶⁾.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) См. Б. Г. Литвак, Указ. ст., “История СССР” №6 1960, стр. 116, а также статью того же автора “О спорных вопросах реализации реформы 1861 г.”, “Исторические записки”, т. 68, стр. 92.
- 2) П. А. Зайончковский, Отмена крепостного права в России, 1954, стр. 149–150.
- 3) Его же, Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г., М. 1958, стр. 23–24, 49–52, 56.
- 4) Там же, стр. 425.
- 5) Там же, стр. 191.
- 6) Б. Г. Литвак, Указ. ст., “История СССР” №6 1960, стр. 117.
- 7) Его же, Указ. ст., “Исторические записки”, т. 68, стр. 99.
- 8) Там же.
- 9) Анализ сделан в его кандидатской диссертации “Уставные грамоты Московской губернии как источник по истории реализации “Положений” 19 февраля 1861 года”, защищенной в 1956 г. Данные о крестьянском наделе опубликованы в статье “Итоги изучения уставных грамот Московской губернии”, “История СССР” №6 1958 г., стр. 145–158.
- 10) Б. Г. Литвак, Указ. ст., “Исторические записки,” т. 68, стр. 101.
- 11) О взаимоотношениях между размером отрезков и размером помещичьего хозяйства Литвак отмечает в указанной статье “История СССР” №6 1958г., стр. 152–154.
- 12) П. А. Зайончковский, Отмена крепостного права в России, издание второе, пересмотренное и дополненное, М., 1960, 366 сс. В этом издании главы о реализации Положений 19 февраля (главы IV — VIII) увеличены почти вдвое. Вопросам о реализации Положений в 70-е и 80-е годы посвящена глава VIII.
- 13) П. А. Зайончковский, Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г., стр. 5.
- 14) См. История народного хозяйства СССР. Курс лекций, стр. 229–230.
- 15) См. П. А. Зайончковский, Отмена крепостного права в России, 1954, стр. 32–72.
- 16) Б. Г. Литвак, Указ. ст., “История СССР”, №6 1960г., стр.99–120. и П. А. Зайончковский, “Советская историография реформы 1861 года”, “Вопросы истории” №2 1961, стр. 85–104.
- 17) См. там же, стр. 105.
- 18) Эта группа начала публиковать сборник статей “Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. ” (М., 1960, 1962, 1963).
- 19) Там же, стр. 106.
- 20) См. “Исторические записки”, т. 68, стр. 92–96.
- 21) Б. Г. Литвак, указ. ст., “История СССР” №6 1958 г., стр. 145.
- 22) Размер выкупных платежей, по подсчету Малова, всего составляет 4. 108. 7 млн. рублей. См. Н. Малов, “К вопросу о размере выкупных платежей”, “Вестник статистики”, № 12 1959, стр. 38–48.

Советская историография реформы 1861 года в России.

- 23) См. П. А. Зайончковский, Указ. ст., "Вопросы истории" №2 1961, стр. 101.
- 24) См. Н. М. Дружинин, Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 2, 1958, стр. 552,
- 25) О Японской историографии Истории СССР вообще см. С. Торияма, Изучение русской истории в Японии, "Преподавание истории (Рэкиси кёйку)", т. 7 №10, 1959. О историографии реформы 1861 г. см. М. Кикүти, Изменение представлений японцев о России. — Вокруг сравнения Мэйдзи-исин с отменой крепостного права в России, "Изучение истории (Рэкисигаку кэнкю)", №293, 1964. В этой статье автор рассматривает взгляды японцев на Реформу и в последние годы. Я очень признателен ему, что многому научила меня эта статья.
- 26) Профессор начал изучать реформу 1861 г. еще во время войны, когда он учился в аспирантуре. Этот доклад позднее был помещен в сборнике его статей "Процесс модернизации русской деревни" под заголовком "Ликвидация помещичьего права и община". О сборнике речь пойдет дальше.

В те же годы несколько специалистов по сельскому хозяйству опубликовали статьи, в которых изложили свои взгляды на реформу. Об этом см. М. Кикүти, Указ. ст. "Изучение истории", № 293, стр. 11-12.
- 27) К. Иида, "Экономическая история России", Токио, изд-во "Отяномидзу-сёбо", 1953, стр. 3. Пятая глава, посвященная реформе 1861 г., является последней главой, поэтому третья тема в книге не затрагивается.
- 28) Там же, стр. 296-297.
- 29) Несмотря на то, что в тексте главы автор не говорит о революционной ситуации и установлении капиталистической формации, в хронологической таблице в графе периодизации пишет: "1855 г. революционная ситуация (вторая половина 50-х годов)" (стр. 355); "1861 г. - установление капиталистической общественно-экономической формации" (стр. 357). Очевидно, что это является результатом того, что принцип периодизации был взят автором из статьи Н. М. Дружинина "О периодизации истории капиталистических отношений в России", а содержания главы основываются на трудах П. И. Лященко "История народного хозяйства России" (2-е издание, 1930 г.) и А. Г. Рашина "Формирование промышленного пролетариата в России" (1940 г.)
- 30) Очерки русской истории, реда. проф. Т. Ивама. (История стран мира), Токио, изд-во "Ямакава-сюппанся", 1955, стр. 210.
- 31) См. там же, стр. 211. Здесь автор перечисляя реформы 60 - 70-х годов, говорит о земской реформе только следующим образом: "Земская реформа дала всем классам право на самоуправления, и земство стало играть важную роль в культурной и (экономической) жизни России до 1917 г."
- 32) Седьмой съезд Общества. Выступления на пленарном заседании, История стран Запада (Сэйсигаку)", №XXXI, 1956, Киото, стр. 56 и 63.
- 33) О содержании докладов, сделанных в секции русской истории см. там же, стр. 38—44; о ответе со стороны секции русской истории см. там же, стр. 62.
- 34) М. Кикүти, Указ. ст., "Изучение истории", №294, стр. 12.
- 35) С. Торияма, Очерки русской истории, токио, изд-во "Сюдося", 1956, стр. 146—154.
- 36) Т. Масуда, Процесс модернизации русской деревни, 259с., Токио, изд-во "Отяномидзу-сёбо", 1958. Содержание следующее: раздел I "Освобождение крепостных крестьян в 1861 г.", I — полемика по вопросу общины, 2 — Ликвидация помещичьего права и община, 3 — Правила о наделе, 4 — Реализация правил о наделе, 5 — Повинности; раздел II "Вопросы после освобождения крестьян", 7 — Нужда в землях и аренда, 8 — Покупка земель, 9 — Переселение в Сибирь, 10 — Формирование промышленного пролетариата, 11 — Пореформенные помещики; раздел III "Дополнения", 12 — Крестьянский вопрос во второй половине VIII века — вокруг "Наказа" Екатерины II, 13 — Крепостничество

- в Великороссии, 14 — Крепостничество в юго- и северо-западных губерниях, 15 — крепостничество в Новороссии.
- 37) На эту книгу имеется две рецензии : С. Торияма, “Общественно-экономическая история (Сякай-кэизай сигаку)”, т. 24 №3, 1958 ; М. Кикиути, “Изучение истории”, № 218, 1958.
 - 38) См. С. Абэ “Русские крестьяне и царизм”, Осака, изд-во “Согэн-ся”, 1959, стр. 11, 109, 156 и 157.
 - 39) Там же, стр. 151.
 - 40) Там же, стр. 156.
 - 41) На эту книгу М. Кикиути опубликовал рецензию в журнале “Исторический журнал (Сигаку засси)”, т. 69 №6, 1960.
 - 42) Доклад опубликован в специальном выпуске журнала “Изучение истории” “Всемирная история и Япония в новое время”, октябрь 1961 г. Об обсуждении доклада в Обществе исследователей по истории СССР см. Х. Фунаки, Как понять новое время России (1861-1905), “История СССР (Росияси кэнкю)”, т.2 №1. 1961. Токио ; М. Кикиути, Одна гипотеза для понимания нового времени России, и Х. Вада, Комментарий к статье Кикиути, “История СССР” т. 2 №2, 1961.
 - 43) М. Кикиути, Указ. ст., “История СССР”, т. 2, №2, стр. 12.
 - 44) Х. Вада, Указ. ст., “История СССР”, т. 2, №2, стр. 18.
 - 45) См. С. Хината, Становление и развертывание отработочных отношений (в выше-указанном специальном выпуске журнала “Изучение истории”); его же, Капитализм в России и отработочная система в земледелии, “Ученые записки Государственного университета Ибараги”, а также М. Кикиути, Указ. ст., “История СССР”, т. 2, №2
 - 46) Первая монография в этот этап историографии, книга М. Кикиути “Исследования по отмене крепостного права в России” (489 с.), издана в конце октября 1964 г. издательством “Отяномидзу-сёбо”.